

Симакова Л.А.

**«Интегрированный курс
«ЛИТЕРАТУРА»
(русская и зарубежная)
учебник для 7 класса общеобразовательных
учебных заведений с обучением
на русском языке**

**Рекомендовано
Министерством образования и науки Украины**

Каменец-Подольский

**АБЕТКА
2015**

УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83я271
С37

Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(приказ Министерства образования и науки Украины
от 22.07.2015 г. № 777)

Издано за счёт государственных средств.
Продажа запрещена

Симакова Л. А.

С37 Интегрированный курс «Литература (русская и зарубежная)» : учеб. для 7 кл. общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Лидия Симакова. – Каменец-Подольский : Абетка, 2015. – 288 с. : ил.
ISBN 978-966-682-370-3.

Учебник для 7 класса подготовлен в соответствии со всеми требованиями действующей программы по литературе для общеобразовательных учебных заведений.

Структура учебника, биографические сведения о писателях, задания к изучаемым художественным произведениям, учебные статьи способствуют формированию необходимых на данном этапе литературного развития школьников знаний, умений и компетенций.

Учебник содержит задания для самостоятельной работы, которые способствуют формированию умений для работы над художественным текстом, предусмотренные программой, проблемные вопросы для дискуссий и материалы для учащихся, проявляющих особый интерес к предмету.

Для учеников 7 класса, учителей литературы.

УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83я271

ISBN 978-966-682-370-3.

© Л. А. Симакова, 2015
© Издательство «Абетка», 2015

Содержание

Благодарность книгам	6
 КНИГА – СОКРОВИЩНИЦА ЗНАНИЙ И ЧУВСТВ ЧЕЛОВЕКА	8
<i>Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям (К. Паустовский)</i>	9
Жорж ДЮАМЕЛЬ «Увлечь читателя своими героями»	10
Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ «Я в этой книге жил когда-то...»	10
Египше ЧАРЕНЦ «Моему читателю»	11
<i>Учимся быть читателями.</i> Переводная литература	12
 ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА	14
Русские былины	18
<i>Учимся быть читателями.</i> О выразительном чтении былин	19
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК	20
<i>Учимся быть читателями.</i> О былине	27
Из древнерусской литературы	29
ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ	31
 ЖАНРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	40
Баллада в литературе	42
Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ	43
СВЕТЛАНА	44
Фридрих ШИЛЛЕР	49
ПЕРЧАТКА	51
Роберт Льюис Стивенсон	54
ВЕРЕСКОВЫЙ МЁД	55
Проверим свою компетентность	57
Адам Мицкевич	58
СВИТЯЗЬ	60

Из золотого фонда русской литературы.	
Разнообразие жанров	66
Александр Сергеевич ПУШКИН	68
УЗНИК	70
ПТИЧКА	71
ЦВЕТОК	71
Учимся быть читателями.	
О лирике	72
Из истории создания «Повестей Ивана Петровича Белкина»	73
СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ	74
Учимся быть читателями.	
О композиции художественного произведения	83
МЕТЕЛЬ	85
Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ	95
КАВКАЗ	96
Учимся быть читателями.	
О трёхсложных размерах стиха	97
Из истории создания поэмы «Мцыри»	99
МЦЫРИ	99
Учимся быть читателями.	
О поэме	111
Участие в диалоге при обсуждении проблемного задания	112
Николай Васильевич ГОГОЛЬ	113
ТАРАС БУЛЬБА (В сокращении)	115
Учимся быть читателями.	
О характере литературного героя	158
Учимся быть читателями.	
О пафосе в художественном произведении	159
Подготовка сравнительной характеристики	
героев художественного произведения	160
Проверим свою компетентность	161
Рассказ и новелла в литературе	162
Антон Павлович ЧЕХОВ	164
ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ	166
Учимся быть читателями.	
О художественной детали в произведении	168
ХАМЕЛЕОН	169
О. Генри	173
ДАРЫ ВОЛХВОВ	174
Учимся быть читателями.	
О новелле	179

Подготовка выборочного изложения с выражением собственного отношения к герою	180
<i>Артур Конан ДОЙЛЬ</i>	181
ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ	183
<i>Джеймс ОЛДРИДЖ</i>	200
ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ (В сокращении)	201
<i>Проверим свою компетентность</i>	215
  ФАНТАСТИКА И РОМАНТИКА	216
<i>Александр ГРИН</i>	219
АЛЫЕ ПАРУСА (Отрывки)	221
<i>Учимся быть читателями.</i>	
Об образе-символе	247
<i>Айзек АЗИМОВ</i>	248
ПРОФЕССИЯ (В сокращении)	249
<i>Проверим свою компетентность</i>	283
 Краткий словарь литературоведческих терминов	284
Для внеклассного чтения	287

Благодарность книгам

Нет, быть может, дней в нашем детстве, прожитых с такой полнотой, как те, которые мы провели с любимой книгой. О неизгладимых впечатлениях от чтения книг в детстве и юности вспоминал великий русский писатель Алексей Максимович Горький в рассказе «Как я учился»:

...Сознательно читать я научился, когда мне было лет четырнадцать. В эти годы меня увлекала уже не одна фабула книги — более или менее интересное развитие изображаемых событий, — но я начинал понимать красоту описаний, задумываться над характерами действующих лиц, смутно догадываться о целях автора книги...

Чем больше я читал, тем более книги роднили меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь. Я видел, что есть люди, которые живут хуже, труднее меня, и это меня несколько утешало, не примиряя с оскорбительной действительностью; я видел также, что есть люди, умеющие жить интересно и празднично, как не умеет жить никто вокруг меня. И почти в каждой книге тихим звоном звучало что-то тревожное, увлекающее к неведомому, задевавшее за сердце...

Точно какие-то дивные птицы сказок, книги пели о том, как многообразна жизнь, как дерзок человек в своём стремлении к добру и красоте. И чем дальше, тем более здоровьем и бодрым духом наполнялось сердце. Я стал спокойнее, увереннее в себе, более толково работал и обращал всё меньше внимания на бесчисленные обиды жизни...

Всё более расширяя предо мною пределы мира, книги говорили мне о том, как велик и прекрасен человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему.

И в душе моей росло внимание к человеку — ко всякому, кто бы он ни был, скоплялось уважение к его труду, любовь к его беспокойному духу. Жить

становилось легче, радостнее — жизнь наполнялась великим смыслом...

И с глубокой верою в истину моего убеждения я говорю всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пёстрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий. Она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...

Эти слова написаны в начале XX века.

Позднее известный польский писатель Ярослав Ивашкевич как бы дополнил сказанное А. М. Горьким о книге и чтении. Он предостерегал своих современников от чрезмерного увлечения техническими средствами информации, ставшими доступными людям XX столетия:

У книги в наше время много соперников... Радио, телевидение, кино... львиную долю очарования похитили эти изобретения у книги! Но одного они не в состоянии отнять у неё — её тишины и безмолвия. Безмолвие книги — это то, что действует на нас сильнее всего. Безмолвие — это чара, которую мы можем наполнить собственными эмоциями, собственным воображением. Кино, телевидение навязывают нам свой образ, не позволяя представить его по-иному. Книга... оберегает нашу личность от напора всего того грубого, крикливого, агрессивного, что имеется в современной культуре.

Я люблю книгу, потому что она вводит меня в мой собственный мир и открывает во мне самое... те богатства, о которых я сам не подозревал.

**КНИГА —
СОКРОВИЩНИЦА
ЗНАНИЙ И ЧУВСТВ
ЧЕЛОВЕКА**

Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям

(К. Паустовский)

Часто я спрашиваю себя, когда думаю о занятии литературой: когда же это началось? И как это вообще начинается? Что впервые заставляет человека взять в руки перо, чтобы не выпускать его до конца жизни?

Труднее всего вспоминать, когда это началось. Очевидно, писательство возникает в человеке, как душевное состояние, гораздо раньше, чем он начинает исписывать стопы бумаги. Возникает ещё в юности, а может быть, и в детстве...

Что же понуждает писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду? Прежде всего — зов собственного сердца. Голос совести и вера в будущее не позволяют подлинному писателю прожить на земле как пустоцвет и не передать людям с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого...

Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутовская мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звезды в ночной луже, — всё это крупинки золотой пыли.

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковысываем из этого сплава свою «золотую розу» — повесть, роман или поэму...

Писателем может быть только тот, у кого есть что сказать людям нового, значительного, интересного, тот человек, который видит многое, чего остальные не замечают...

...Постепенно оживает сила души... Как назвать её? Воображением, фантазией, проникновением в мельчайшие поры человеческого сознания, вдохновением? Душевым восторгом или спокойствием? Радостью или печалью? Кто знает!.. В доме пусто. Я один. Рядом — море на сотни миль. За дюнами обширные болота и низкие леса... Никого нет около. Но стоит зажечь лампу, сесть к столу и начать писать о чём бы то ни было, как ощущение одиночества пропадает. Я не один. Из этой тесной комнаты я могу говорить с тысячами людей, со всем миром. Я могу им рассказывать всяческие истории, смешить их и печалить, вызывать раздумие и гнев, любовь и сострадание, вести их за руку, как поводырь, по жизни... Мысль существует во мне как волнение, как желание передать другим то, что наполняет сейчас мой разум, моё сердце, всё моё существо. Мысль живёт во мне, но во что она выльется, какие найдёт пути для своего выражения, мне не ясно ещё самому. Но я знаю, для кого я буду писать. Я буду говорить со всем миром.

Увлечь читателя своими героями

Первая задача всякого писателя — увлечь читателя своими героями. Знакомство с их жизнью подобно свежему ветру, который не просто касается нашей души, но волнует её, пронизывая до самых глубин.

Переворачивая страницы книги, мы совершаем открытие за открытием. Нам, конечно, не рассказывают историю из нашей собственной жизни; речь идёт о принцессах, героях, грабителях, может быть, даже о диких животных, как у Киплинга; тем не менее эта чужая история отбрасывает на наше существование необычный свет. Мы наблюдаем, как действуют персонажи, как бы выхваченные непосредственно из нашей жизни; мы знаем их, мы их узнаём, мы ощущаем подчас их присутствие рядом, хотя погружены в чтение. Мы учимся, то есть что-то схватываем; наше естественное стремление к познанию находит удовлетворение. От тревоги мы переходим к удивлению, от удивления — к душевной полноте. Закончив чтение, мы замечаем, что как будто выросли. Такие книги наполняют нашу жизнь своим ароматом, и время от времени мы ощущаем потребность снова вдохнуть его. Поэтому мы всегда держим при себе эту книгу. Эту книгу мы не бросим на скамейке вагона, мы заботливо поставим её на полку и достанем, когда почувствуем, что нуждаемся в ней: не ради сюжета, который нам известен, а ради тех ценностей, которые она хранит для нас.

Жорж ДЮАМЕЛЬ

Перевод с французского

И. Кузнецовой

Я в этой книге жил когда-то...
 На ней донине след живой
 Неторопливого заката,
 Души, очищенной грозой.
 Да, проходил я не напрасно
 В дожде и солнце рощ родных,
 И звал прекрасное — прекрасным
 И не боялся слов простых.
 А на людскую память право
 У этих строк хотя бы в том,
 Что я сложил их не лукаво —
 Достойным русским языком.

Всеволод РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Шлю тебе мою работу,
 Как меж нами повелось,
 Прочитай, а нет охоты —
 Книгу в сторону отбрось.
 Всё вложил я в строки эти.
 Как я жил и как страдал —
 Ни один поэт на свете
 За меня б не рассказал.
 Сердцем разбери сурово,
 Есть ли в книге мастерство, —
 Нету критика другого,
 Кроме сердца твоего.

Егише ЧАРЕНЦ

Перевод с армянского
 В. Звягинцевой

Давайте побеседуем

1. Великий русский писатель Алексей Максимович Горький назвал художественную литературу человековедением. Прочтите его высказывания о значении книг в статье «Благодарность книгам», открывающей этот учебник. Что из прочитанного в детстве и юности волновало будущего писателя сильнее всего? О каких ценных человеческих качествах, приобретённых в результате чтения, неоднократно говорит А. М. Горький?
2. Разделяете ли вы мнение польского писателя Ярослава Ивашкевича о значении книги и чтения в современной жизни? Приходилось ли вам когда-нибудь, оставшись наедине с интересной книгой, испытывать состояние, подобное тому, о котором говорит Ярослав Ивашкевич?
3. Чем интересны высказывания Константина Паустовского о писателе и его творческом труде? Почему Паустовский сравнивает писательский труд с собиранием крупинки золотой пыли, а художественные произведения — с «золотой розой»? Раскройте смысл этой метафоры.
4. Читая книги и размышляя над прочитанным, вы имели возможность убедиться в том, что главным предметом изображения в художественном произведении является человек: его поступки, мысли, чувства, отношения с другими людьми; с человеком связаны события, предметы, природа. Стоит нам назвать имя писателя, как мы сразу же вспоминаем героев, о жизни которых узнали из его произведений. Многие науки — медицина, история, психология, социология¹ — связаны с изучением различных сторон человека. Но только в литературе человек выступает перед нами как живая личность. Прочитайте отрывок из статьи французского писателя Жоржа Дюамеля под заголовком «Увлечь читателя своими героями». Какую задачу автора он считает самой первой и почему?

¹ Социология — наука об обществе, об отношениях в обществе.

5. На примерах произведений, изученных в предыдущих классах, расскажите, как писатель вызывает интерес читателей к своим героям, каким образом выражает собственное отношение к ним.
6. Прочитайте стихотворения русского поэта Всеволода Рождественского «Я в этой книге жил когда-то...» и армянского поэта Егише Чаренца «Моему читателю». Как они связаны с названием раздела, в котором помещены, — «Книга — сокровищница знаний и чувств человека»? Что объединяет эти два стихотворения? Какие строки из этих стихотворений вас особенно затронули?
7. «Любовь и долгий путь рожают книгу...» Эти слова принадлежат известному чилийскому поэту Пабло Неруде. Как вы думаете, может ли это высказывание стать эпиграфом к данному разделу учебника? Аргументируйте свои ответы, используя тексты статей и стихотворений, помещённых в этом разделе.
8. Расскажите о своих любимых книгах и писателях. Кто из литературных героев стал вам особенно близок и необходим в жизни?

Познакомьтесь с содержанием учебника-хрестоматии. Работая с этой книгой в течение года, будьте вдумчивыми и отзывчивыми читателями, интересными и компетентными¹ собеседниками. Пусть встречи с новыми писателями и новыми произведениями окрыляют, как сказал А. М. Горький, ваш «ум и сердце чувством любви к миру, к человеку».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

Переводная литература

От класса к классу на уроках и дома вы знакомитесь с новыми произведениями не только русской, но и всемирной литературы – английской, американской, шведской и др. В этом году вы будете читать и размышлять над произведениями немецких, польских, шотландских и других авторов разных народов мира, которые представлены в переводах на русский язык.

Переводная литература — это совокупность текстов, первоначально написанных на одном языке, а затем переведённых на другой. Разделение художественной литературы на переводную и оригинальную имеет большое значение. Между переводом и оригиналом — всегда сложный процесс «перевыражения» художественного содержания переводимого текста на другой язык. Поэтому главным требованием переводной литературы является максимально бережное отношение к объекту перевода.

История переводной художественной литературы — это всегда важная часть истории каждой национальной литературы. В России переводческая деятельность существовала уже в эпоху Руси-Украины. В начале XVIII века после реформ и расширения связей с зарубежным ми-

¹ *Компетентный* — знающий, осведомлённый, умеющий давать собственную аргументированную оценку прочитанному.

ром потребовалось усиление переводческой деятельности. Переводами произведений с греческого и латинского языков занимались выдающиеся поэты того времени В. Тредиаковский, А. Кантемир, М. Ломоносов, А. Сумароков. Большое значение имела деятельность В. Жуковского как переводчика с других европейских языков. Блестящий период переводческой деятельности открыла эпоха Пушкина и декабристов. Читатели XIX века познакомились, например, с поэзией английского поэта Байрона благодаря переводам В. Жуковского, А. Пушкина, М. Лермонтова и других поэтов.

Поэтические переводы стихотворений А. Пушкина на украинский язык были сделаны в XIX веке известным театральным деятелем и писателем М.Старицким (1840-1904). Его переводы лирических и вольнолюбивых стихов русского поэта стали в то время значительным явлением в ознакомлении украинских читателей с творчеством Пушкина. Позднее стихи Пушкина переводил И. Франко. Многие стихотворения русского поэта Н. Некрасова были переведены И. Франко, П. Грабовским, М. Старицким.

Благодаря переводной литературе читатели всего мира получают доступ к выдающимся произведениям разных народов и разных национальных культур, расширяют свой читательский кругозор, усваивают общечеловеческие духовные и художественные ценности.

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Появлению художественной литературы предшествовал длительный период, когда, ещё задолго до изобретения письменности, на протяжении многих столетий древними народами создавалось подлинное искусство художественного слова — фольклор. «Начало искусства слова — в фольклоре», — справедливо утверждал Алексей Максимович Горький.

Размышляя о главных чертах (признаках) в устройстве жизни древних людей и понимании ими окружающего мира, Горький писал: «Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышали отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда. Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху — об этом говорят нам легенды о Фаэтоне, Дедале и сыне его Икаре, а также сказки о «ковре-самолёте». Мечтали об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-скороходах». Мыслили о возможности прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи — создали прялку, одно из древнейших орудий труда, примитивный ручной станок для тканья и создали сказку о Василисе Премудрой...»

В Древней Руси создавались и новые виды устного поэтического творчества: песни, предания, легенды, былины, объясняющие происхождение городов, селений, урочищ¹, курганов, повествующие о героических подвигах защитников родной земли. Многие из них вошли уже в первые произведения письменной литературы — летописи. Так, летопись «Повесть временных лет» (XI—XII вв.) содержит народные предания об основании Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом, которые были известны даже в Царьграде, где им воздавали великую честь. В «Повести временных лет» можно найти и устно-поэтические предания о киевских князьях — Олеге, Игоре, Ольге, Святославе и др. Легенда об Олеге вещем, например, рассказывает о выдающемся древнерусском полководце, победившем греков не только силой, но и мудрой изобретательностью.

Позднее, с распространением письменности и появлением первых книг, устное народное творчество не только не утратило своей роли в жизни народа, но и оказывало самое благотворное влияние на развитие художественной литературы

Стремясь глубже проникнуть в суть народной жизни, многие писатели черпали из фольклора не только сведения о быте, но и темы, сюжеты, образы, идеалы², учились искусству яркой, выразительной речи. В большинстве литератур мира созданы произведения, имевшие распространение в фольклоре: песни, баллады, романсы³, сказки. Вы хорошо знаете, что свою замечательную балладу «Песнь о вещем Олеге» Александр Пушкин написал на основе услышанной им народной легенды о смерти князя Олега, якобы предсказанной ему волхвом (жрецом славянского

¹ *Урочище* — участок, отличающийся от окружающей местности, например болото, лес среди поля.

² *Идеал* — то, что составляет высшую цель деятельности, стремлений.

³ *Романс* — небольшое вокальное произведение лирического характера.

бога Перуна). В своей сказочной поэме «Руслан и Людмила» Пушкин широко использовал ещё с детства, со слов няни Арины Родионовны, запомнившиеся ему сказочные эпизоды и образы. Воображение читателей поражает само вступление к этой поэме («У лукоморья дуб зелёный...»), в котором удивительным образом присутствуют знакомые каждому с детства сказочные образы русалки, избушки на курьих ножках, Бабы Яги со ступою, Кощея и волшебства из русских сказок. Поэт восклицает: «Там русский дух, там Русью пахнет!»

Пушкинская «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» является поэтической переработкой русской народной сказки «Самоглядное зеркало».

На основе народных сюжетов написали свои замечательные сказки датчанин Ханс Кристиан Андерсен («Дикие лебеди»), француз Шарль Перро («Золушка»), немцы братья Вильгельм и Якоб Гримм («Бременские музыканты») и др.

В сознании людей многих поколений сказки писателей слились со сказками народа. И это объясняется тем, что каждый писатель, каким бы оригинальным ни было его собственное творчество, испытывает глубокую связь с фольклором своего народа. Именно в устном народном творчестве писатели находили яркие примеры верности нравственным устоям, выражение мечты народа о справедливой, счастливой жизни.

Большое место в русском фольклоре занимают былины — героические песни, повествующие о могучих богатырях, защитниках Родины. Воспеваемая богатырей, былины звали на подвиг во славу Отечества, поднимали в тяжёлую годину дух народа, воспитывали у юных любовь к родной земле и стремление защитить её от завоевателей. Былины о непобедимых богатырях вдохновляли писателей и поэтов на создание собственных произведений о бесстрашных и славных воинах. Познакомьтесь с отрывком стихотворения Николая Рыленкова, в котором поэт поведал о своих впечатлениях от былины об Илье Муромце, рассказанной ему дедом. Вот как представлял он в детстве богатыря:

Зима и детство. Вечер длинный
Под кровом тесного жилья.
Встаёт над дедовской былиной
Крестьянин Муромец Илья.
Не забавляясь в поле чистом,
Спешит он в Киев без дорог,
И Соловей Разбойник свистом
Остановить его не мог.

Многие писатели, стремясь глубже показать жизнь народа, национальные особенности героев, используют в своих произведениях народные песни, предания, легенды и другие виды устного народного творчества. Вспомним, как работал над своей книгой «Вечера на хуторе близ Диканьки» Николай Васильевич Гоголь. В письме к матери он просил сообщить ему всё, что она знает о нравах и обычаях своих земляков:

«Это мне очень, очень нужно... Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч., и проч., и проч. Всё это будет для меня чрезвычайно занимательно...»

Вы знаете из уроков литературы, каким небывалым был успех первой книги «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Пушкин писал: «Сейчас прочёл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства¹, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился. Поздравляю публику с истинно весёлою книгою...»

В дальнейшем ваши знания о неразрывной связи фольклора с произведениями художественной литературы будут расширяться и углубляться, но при этом всегда следует помнить главное: для художников слова фольклор — неиссякаемый источник незыблемых представлений народа о добре, справедливости, истинной любви и мудрости.

Давайте подседем

1. Какие виды устного поэтического творчества создавал народ задолго до появления художественной литературы? Назовите те из них, которые вошли в первые летописи.
2. Почему писатели в своём творчестве часто обращаются к фольклорным произведениям?
3. Назовите произведения устного народного творчества, которые легли в основу известных вам литературных произведений.
4. Среди русских народных сказок есть сказка под названием «Золотая рыбка», сюжет которой полностью совпадает с пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке». Как вы думаете, почему именно эта народная сказка стала основой для создания одной из самых любимых и популярных сказок великого поэта?
5. Если вы хорошо знаете содержание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Николая Гоголя, вспомните, какие народные поверья, легенды использовал писатель в своих повестях «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Страшная месть».
6. В 1785 году немецкий писатель Рудольф Эрих Распе издал книгу «Приключения барона Мюнхгаузена», которая была литературной обработкой фантастических рассказов действительно жившего в Германии барона Мюнхгаузена. Со временем эта книга приобрела всемирную известность. Какие из описанных в книге приключений вы знаете? Чем, по вашему мнению, эта книга привлекает читателей всего мира?
7. Почему А. М. Горький утверждал, что «начало искусства слова — в фольклоре»?

¹ Жеманство — жеманное поведение, лишённое простоты и естественности.

Русские былины

Чтение былин производит особое впечатление на современных людей, а их герои запоминаются на всю жизнь: сильные и бесстрашные Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович...

Былины — это народные песни. Создавал их народ, поэтому, в отличие от произведений художественной литературы, былины не имеют авторов. Их исполняли народные сказители, исполняли по памяти, как слышали от своих предков. Каждая былина, прежде чем попасть в книгу, была записана от исполнителя или группы исполнителей. На Севере и в Сибири былины исполнялись соло (одним человеком); в южных районах России (например, у казаков на Дону) былины пелись хором, как и другие произведения устного народного творчества — песни, сказки, загадки.

Само слово «былина» происходит от слова «быль» (то есть то, что было). В былинах мы находим много исторически достоверных примет. Например, известно, каким было старинное вооружение воинов: меч, щит, копьё, шлем, кольчуга; всё это есть у богатыря. В былинах воспеваются Киев, упоминаются Чернигов, Муром, Галич и другие древние города; в ряде былин события происходят в старинном Новгороде. Но это не значит, что в былинах всё изображено так, как было в действительности. Былины удивляют нас своей богатейшей фантазией, порой полным пренебрежением к точности в описании мест действия, времени и событий, расположения городов и стран. Неужели Илья Муромец стрелял в Соловья Разбойника, а Добрыня Никитич бился со Змеем?...

Чем же объяснить всё это? Прежде всего тем, что былины — это не летопись, в которую заносились с хронологической точностью даты выдающихся событий, имена их участников и т. д. Былина — художественное произведение, а потому для нее характерен вымысел. Для былин всегда важна не столько правда отдельного факта, отдельного события, сколько правда жизни.

Предки русских, украинцев и белорусов — восточные славяне, расселившиеся с незапамятных времен по степям и лесам Восточной Европы, вели жизнь, полную лишений и опасностей. Она была трудной не только потому, что приходилось бороться с пагубными природными явлениями (грозами, наводнениями, засухами, морозами), но и потому, что

большую опасность представляли воинственные соседи, кочевые племена. Печенег, половцы ходили походами на Русь, разоряли селения, забирали в плен женщин и детей, увозили с собой богатства, изделия тонкого ремесла, драгоценности, произведения искусства. В великом памятнике древнеславянской литературы «Слово о полку Игореве» (XII век) так изображена опустошённая после набегов земля: «И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей...».

Конечно же, страшные потрясения не могли не волновать поэтическую душу народа, народные певцы не могли оставаться в стороне от важнейших исторических событий, — и они создали героические песни, которые теперь называются былинами.

По Ю. Круглову

Давайте побеседуем

1. Что вы знаете о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алёше Поповиче и других? Какие вы читали былины о них, смотрели фильмы, видели картины художников?
2. Приходилось ли вам слышать в театре оперу Н. А. Римского-Корсакова «Садко»? Расскажите, кому она посвящена.
3. Назовите известные вам произведения русского фольклора. Какое место в вашем чтении и вашей жизни они занимают?
4. Какие фольклорные произведения других народов вы читали и запомнили: думы, сказания, легенды, баллады и др.?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О выразительном чтении былин

Если мы попытаемся читать былины вслух так, как читаем стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, то скоро убедимся, что произносить их в том же тоне невозможно. Это объясняется тем, что у былин стих особенный, его так и называют — былинным стихом. В строках может быть разное количество слогов, но должно быть относительно равное количество ударений. Например:

Говорит о́ра́тай таковы́ слова́:
— Я оста́вил со́шку во боро́здочке
Не для-ра́ди прохóжего-проёзжего:
Маломóщный-то нае́дет — взять не́чего,
А богáтый-то нае́дет — не позáрится, —
А для-ра́ди мужичкá да деревéнщины.

В былинном стихе первое ударение, как правило, падает на третий слог от начала, а последнее — на третий слог от конца. Это делает стих былины гибким, хорошо приспособленным для передачи живых разговорных интонаций.

Излюбленный в народной поэзии приём повторов делает былинную речь плавной и напевной, помогает обращать внимание слушателей на особо важные моменты повествования:

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.

Торжественное пение былин в древности сопровождалось игрой на гуслях, мягкие звуки которых не заглушали голос певца и располагали слушателей к восприятию былины.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец,
Он стоял заутреню¹ во Муроме,
А й к обеденке² поспеть хотел он в стольный Киев-град.

Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как чёрна ворона.
Так пехотою³ никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица чёрный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводу.

Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводу⁴.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,

¹ *За́утреня* — утренняя церковная служба.

² *Обе́дня* — дневная церковная служба

³ *Пехо́тою* — здесь: пешком.

⁴ *Воево́да* — в древней Руси правитель города или начальник войска.

Ай ты, славный богатырь святорусский!
 Прямоезжая дорожка заколодела¹,
 Заколодела дорожка, замуравела².
 А й по той ли по дорожке прямоезжей
 Да и пехотою никто да не прохаживал,
 На добром коне никто да не проезживал.
 Как у той ли то у Грязи-то, у Чёрной,
 Да у той ли у берёзы у поклпяя³,
 Да у той ли речки у Смородины,
 У того креста у Леванидова⁴
 Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
 Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын
 А то свищет Соловей да по-соловьему,
 Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
 И от его ли то от посвиста соловьего,
 И от его ли то от покрика звериного
 Те все травушки-муравы уплетаются,
 Все лазоревы цветочки осыпаются,
 Тёмны лесушки к земле все приклоняются,
 А что есть людей — то все мертвы лежат.

М. Врубель. «Богатырь». 1898 г.

Совпадает ли ваше представление об Илье Муромце с богатырём, которого изобразил художник?

Чем нравится вам эта иллюстрация?

¹ *Дорóжка заколо́дела* — дорожка завалена стволами засохших деревьев (колодами).

² *Замура́вела* — заросла муравой, то есть травой.

³ *Покля́ная* — пригнутая книзу, искривленная.

⁴ *У того креста у Леванидова* — кресты ставили над могилами умерших в дороге.

Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть вёрст,
А й окольной дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра коня да и богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холма на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко тоей берёзе ко покляпя, —
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.

Его добрый конь да богатырский,
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берёт плёточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым рёбрам,
Говорил-то он Илья таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой тугой лук разрывчатый¹,
Во свои берёт во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею².

Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повёз его по славну по чисту полю...

¹ Разрывчатый — упругий, тугой лук.

² Косица — висок.

Он приехал-то во славный стольный Киев-град,
 А ко славному ко князю на широкий двор.
 А й Владимир-князь он вышел со Божьей церкви,
 Он пришёл в палату белокаменну,
 Во столовую свою во горенку,
 Он сел есть да пить да хлеба кушати,
 Хлеба кушати да пообедати.

А й тут старья казак да Илья Муромец
 Становил коня да посередь двора,
 Сам идёт он во палаты белокаменны,
 Проходил он во столовую во горенку,
 На пяту¹ он дверь-то поразмахивал,
 Крест-от клал он по-писаному,
 Вёл поклоны по-учёному,
 На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
 Самому князю Владимиру в особину,
 Ещё всем его князьям он подколенным².

Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
 — Ты скажи-тко, ты откулешний³, дородный
 добрый молодец,
 Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
 Величают удалого по отчеству⁴?

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
 — Есть я с славного из города из Мурома,
 Из того села да Карачарова,
 Есть я старья казак да Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
 — Ай же старья казак да Илья Муромец!
 Да й давно ли ты повыехал из Мурома
 И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
 — Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
 Я стоял заутреню Христосскую во Муроме,
 А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
 Да моя дорожка призамешкалась.

¹ На пята́ — широко, настежь.

² Подко́ленные кня́зья — князья, подчинённые князю Владимиру.

³ Отку́лешний — откуда.

⁴ По от́честву — по отчеству.

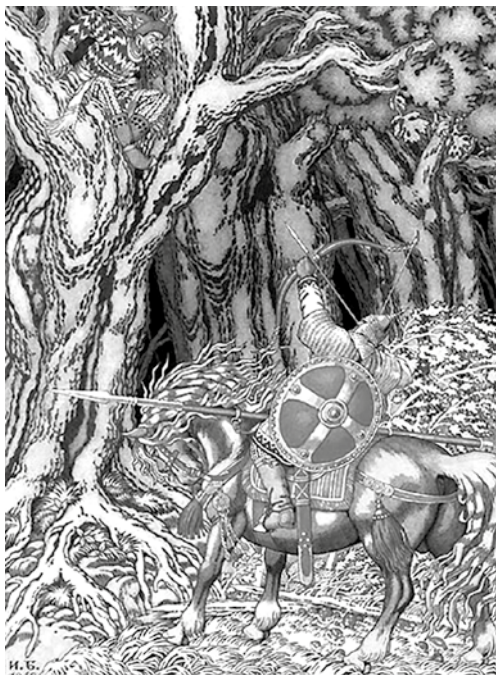
Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то так Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловьёю да й по-соловьёму,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьёго,
Закричи-тко ты во полкрика звериного...

Засвистал как Соловей тут по-соловьёму,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покривились,
А околени во теремах рассыпались,
От его, от посвиста соловьёго,
А что есть-то людюшек, так все мертвы лежат,
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец
Он скорёшенько садился на добра коня,

И. Билибин. «Илья Муромец
и Соловей-Разбойник». 1940 г.

Как удаётся художнику передать
богатырский дух Ильи Муромца?

А й он вѣз-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:

— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

Это интересно

В последние годы в Украине скульпторами-антропологами¹ совместно с учёными воссоздана внешность многих исторических деятелей и святых, покоящихся в лаврских пещерах. Среди них и Илья Муромец. Да-да! Именно тот былинный богатырь. Оказывается, он действительно «жил и работал своей булавой» в Киеве, а по кончине был причислен к лику святых и покоится в Ближних пещерах Киевской Лавры.

Илья Муромец был высокого для своего времени роста — 177 сантиметров — и отличался недюжинным развитием мышечной системы. Он умер от смертельного проникающего ранения грудной клетки плоским колющим предметом. Такая же рана обнаружена и на внутренней стороне левой руки. Следовательно, причиной его смерти стал удар копьём.

Согласно экспертизе², Илья Муромец погиб предположительно в 1188 году в возрасте старше 50 лет.

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

1. Былина «Илья Муромец и Соловей Разбойник» — одна из наиболее известных былин. Она была записана от Т. Г. Рябинина из деревни Серёдка Петрозаводского уезда Олонецкой³ губернии. Можете представить, на какой огромной территории передавалась из уст в уста эта былина. Чем же она замечательна, по вашему мнению? Что поразило в ней ваше воображение?
2. Какие эпизоды повествования в былине произвели на вас наибольшее впечатление и почему?
3. Опишите словесно, каким вы представляете себе Илью Муромца (его внешний облик, воинские доспехи) и его коня.
4. Попробуйте вообразить, что вы оказались в древних Муроме, Чернигове, Киеве. Расскажите, какими предстали вашему взору эти города.

● Углубимся в текст быliny

5. Что обостряет внимание слушателей (читателей) при знакомстве с Ильёй Муромцем в самом начале быliny? (В своих ответах используйте слова и выражения из былинного текста.)

¹ *Антрополог* — специалист по антропологии — науке, изучающей биологическую природу человека.

² *Экспертиза* — рассмотрение какого-либо вопроса специалистами для вынесения заключения.

³ *Олонецкая губерния* — старое, до 1917 года, название области, расположенной на северо-западе России, в бассейне Ладожского озера (сейчас Карелия).

6. Не кажется ли вам неправдоподобным то, что Илья Муромец, например, один топчет конём «силушку великую», что его конь с горы на гору перескакивает и т. п.? Какое значение имеет здесь часто используемая в устном народном творчестве гипербола?
7. Какими качествами характера наделяет народ своего героя-богатыря Илью Муромца, решившего ехать в стольный Киев-град «дорожкой прямоезжею»?
8. Объясните, почему в былине несколько раз с одинаковой точностью описываются грозная сила и мощь Соловья Разбойника. Какова роль этих повторений?
9. Как проявляется характер Ильи Муромца, когда он сражается с Соловьём Разбойником? Каким образом народ-сказитель выражает свою любовь к герою-богатырю?
10. Обратите внимание на встречу в Киеве Ильи Муромца и князя Владимира. Какие особенности поведения каждого из них показаны в былине? Прочитайте выразительно диалог Ильи Муромца и князя.
11. Какие богатырские качества Ильи Муромца воспеваются в былине?

Для самостоятельной работы

12. Подготовьте выразительное чтение одного из эпизодов былины.
13. Отметьте и определите роль постоянных эпитетов и слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами в былине. Какое воздействие оказывают они на слушателей (читателей) былины?
14. Создайте устный рассказ на тему: «Илья Муромец — любимый былинный герой».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О былине

Былины — песни, но песни особые. Их ещё называют эпическими песнями, то есть песнями, которые рассказывают, повествуют о каких-либо событиях, объединённых одними и теми же персонажами (от греч. *epos* — слово, повествование, рассказ).

Былины имеют сюжет: изображение событий в развитии, персонажей — в действии. Былинное действие разворачивается всегда медленно и спокойно. Нередко былины начинаются с **запева**, прямо не связанного с содержанием, но настраивающего слушателей на определённый лад:

Высота ль, высота поднебесная,
Глубота, глубота — окиян-море,
Широко раздолье по всей земле,
Глубоки омуты днепровские...

После запева, если он есть, идёт **зачин** — начало рассказа:
Из того ли то из города из Муромца,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец...

Далее идёт **основная часть** — повествование о событиях и поступках героев. Певцы часто повторяют отдельные слова, словосочетания, стихи и значительные по объёму эпизоды. Так, четыре раза в былине «Илья

Муромец и Соловей Разбойник» говорится о страшном свисте Соловья, и этим привлекается внимание слушателей к грозной силе разбойника.

Былину, как правило, венчает **концовка**, например: «Тут Илье и славу поют» или «На том былинка и кончилась».

Богат, живописен, выразителен язык былин.

В былинах изображаются могучие герои, жестокие поединки, необычные происшествия. Этим можно объяснить довольно частое употребление в них такого художественного приёма, как гипербола (преувеличение). Богатырей отличает огромная физическая сила, они даже едят и пьют как существа необыкновенные: выпивают единым духом чару в полтора ведра. Богатыри бьются-рубятся с недругами по двенадцать дней «не пиваючи, не едаючи», подбрасывают тяжёлые палицы в поднебесье; их шлемы весят по несколько пудов, мечи у них такие, что никому из простых смертных не поднять. Эти гиперболы — средство прославления героя, а также стремление ярко запечатлеть персонажей и их действия, вызвать у слушателей удивление и восхищение.

Эпитеты создают в былинах особый — былинный, героический — мир. Богатырь определяется как *святорусский, могучий, сильный*; князь Владимир — как *ласковый, славный, красно солнышко, светлое солнце*. Враг называется *поганым, злым, проклятым, неверным, безбожным*. Определённое слово часто употребляется с одним и тем же эпитетом. Такие эпитеты называют постоянными. Например: *добрый молодец, поле чистое, дорожка прямоезжая, голова буйна, плечи могучи, ноги резвые* и т. п.

Большую роль в выражении исполнителями своего отношения к персонажам былин играют суффиксы. Уменьшительно-ласкательными суффиксами награждались любимые герои (*Ильюшенька, Добрынюшка, Алёшенька*), уничижительными и увеличительными — их противники (*Идолище, Змеище* и т. д.).

Итак, **былины** — это **народные героические песни эпического характера**. Они рассказываются нараспев и строятся по определённому плану.

Язык былин отличается художественным богатством и выразительностью: повторами, гиперболами, постоянными эпитетами, сравнениями и др.

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Объясните, почему былина — это народная героическая песня эпического характера.
2. Что общего между сказкой и былиной? Чем они различаются?
3. Проанализируйте построение былин, выделите в каждой былине значимые части: зачин, основную часть и концовку (если она есть).
4. Приведите примеры имеющихся в былинах гипербол, постоянных эпитетов, повторений и определите их роль.
5. Найдите в былинах слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами и объясните, с какой целью они употребляются.
6. Что является характерным для исполнения былин?

Для дополнительного чтения

Из древнерусской литературы

коло тысячи лет назад возникла письменная русская литература. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Её начало восходит ко второй половине X века и совпадает с появлением на Руси христианства и письменности.

Самыми ранними древнерусскими произведениями были летописи, в которых записывались события по годам, или, как говорили в старину, по летам. На протяжении семи веков, с XI по XVII столетие, создавалось русское летописание.

Первую историю Древней Руси, её летопись под названием «Повести временных лет» составил учёный монах Киево-Печерского монастыря Нестор. В заглавии своего великого труда он написал: «Се Повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити и откуда Русская земля стала есть».

Летописец не только подробно излагает историю славянских племён, но и связывает её с историей всего человечества. Он описывает события давно минувших дней и своего времени, славит князя Владимира, который ввёл христианство на Руси и тем самым открыл ей дорогу для культурного развития и обмена с другими народами. Высоко оценивает Нестор заслуги Ярослава Мудрого, много сделавшего для просвещения Руси. Но не только о князьях повествует летописец, он рассказывает и о простых людях, отличившихся своими славными делами и поступками. В летописи приводится описание поединка юноши-кожемяки с печенежским богатырём (русские и украинские народные сказки тоже рассказывают о легендарном герое-богатыре Никите Кожемяке, но в них он сражается не с печенежским воином, а со Змеем Горынычем). В «Повести временных лет» есть и сведения о Добрыне Мстишиче, который в русских былинах известен как богатырь Добрыня Никитич. Интересен летописный рассказ о подвиге отрока (подростка), вызвавшегося пробраться из осаждённого печенегами Киева, чтобы привести подмогу. Он не взял с собой ни коня, ни палицы, а лишь уздечку. «Он же вышел из города, — повествует летописец, — держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: “Не видел ли кто-нибудь коня?”» Так юный герой спас осаждённый Киев.

«Высокое литературное образование Нестора, его исключительная начитанность в источниках, умение выбрать из них всё существенное...

сделали «Повесть временных лет», — писал академик Д. С. Лихачёв, — не просто собранием фактов русской истории... а цельной, литературно изложенной историей Руси».

В 1118 году в «Повесть временных лет» было включено написанное в этом же году «Поучение» Владимира Мономаха. Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053-1125) — один из самых талантливых и образованных князей. Он был князем черниговским, затем переяславским, а с 1113 года — киевским. Всю жизнь провёл в борьбе с половцами, во время своего правления пытался облегчить положение простого народа, поощрял летописание и литературную деятельность. Владимир Мономах был настоящим писателем, создателем художественного произведения. Через всё его «Поучение» проходит призыв «печаловаться» о своей земле, о её тружениках и не допускать произвола сильных. Он приводит собственный пример управления народом: «Что надлежало делать отроку¹ моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днём, в жару и в стужу, не давая себе покоя... Также и бедного смерда², и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал».

«Поучение» Владимира Мономаха — выдающийся литературный памятник. В этом произведении с необыкновенной яркостью отразились культура и та роль, которую играла литература в общественной и государственной жизни русского народа того времени.

Одному из величайших событий — Куликовской битве, которая произошла в 1380 году и стала началом противостояния Орде, посвящено несколько произведений древнерусской литературы. Это и обширная летописная повесть о сражении за Доном, и поэтическая «Задонщина», и «Сказание о Мамаевом побоище», написанное в начале XV века. В этих литературных памятниках (их еще называют «воинскими повестями») навечно запечатлена победа в Куликовской битве.

Среди древнерусских произведений этого исторического периода особое место занимает «Повесть о Петре и Февронии Муромских», написанная приблизительно в XV-XVI веках Ермолаем-Еразмом — выдающимся русским мыслителем и писателем. В 40-60-х гг. XVI века он был сначала священником в Пскове, затем служил протопопом³ кремлевского собора Спаса на Бору, а позднее постригся в монахи под именем Еразма. В настоящее время известно большое число произведений, подписанных его именем. До наших дней дошли два сборника, написанные самим автором. «Повесть о Петре и Февронии Муромских» в древнерусских рукописях часто называют «Житием». Однако вместо религиозных подвигов святых здесь рассказана история любви крестьянской девушки из Рязанской земли и муромского князя. С историей жизни и любви святых Петра и Февронии вам и предстоит познакомиться, читая и размышляя над произведением древнего автора Ермолая-Еразма.

¹ *Отрок* — здесь: слуга.

² *Смерд* — крестьянин.

³ *Протопоп* — старший священник

В вашем учебнике представлена современная русскоязычная версия «Повести о Петре и Февронии Муромских» (в оригинале повесть написана на древнерусском языке).

Давайте побеседуем

1. Как называются ранние произведения древнерусской литературы?
2. Кем написана «Повесть временных лет»? О каких событиях далёкого прошлого она рассказывает?
3. С какого времени и сколько веков создавалось русское летописание?
4. Центральное место в летописи «Повесть временных лет» занимает повествование о крещении Древней Руси князем Владимиром. Что вы узнали об этом событии на уроках истории?
5. В летописи Нестора содержится похвала киевскому князю и его книгам. Что вы знаете о жизни и заслугах этого князя? Как назвал его народ?
6. Какое значение имели летописи для развития древнерусской литературы?
7. Опираясь на знания, полученные на уроках истории и украинской литературы, расскажите о Владимире Мономахе как государственном деятеле и писателе.
8. Если вы знакомы с содержанием «Повести о Петре и Февронии Муромских», то расскажите о самых запомнившихся вам эпизодах из их жизни.

Ермолай-Еразм

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

*Повесть о житие новых Муромских Святых Чудотворцев,
благочестивого, и преподобного, и достойного похвалы
князя Петра, нареченного во иночестве Давидом,
и супруги его, благочестивой, и преподобной,
и достойной похвалы княгини Февронии,
нареченной во иночестве Ефросинией, благослови, отче*

I

Есть в русской земле город, называемый Муромом. Правил в нем когда-то благоверный князь по имени Павел. Дьявол же, искони ненавидящий род человеческий, сделал так, что крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И волшебством своим перед ней он являлся в образе самого князя. Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала обо всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. Злой змей же силой овладел ею.

Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении. И вот говорит жене: «Раздумываю, жена, но не могу придумать, чем одолеть этого злодея? Не знаю, как убить его? Когда станет он говорить с тобой, спроси, обольщая его, вот о чем: ведаешь ли этот злодей сам, от чего ему смерть должна приключиться? Если узнаешь об этом и нам поведаешь, то освободишься не только в этой жизни от смрадного дыхания и шипения его и всего этого бесстыдства, о чем даже говорить срамно, но и в будущей жизни нелицемерного судью, Христа, тем умилишь». Слова мужа своего жена накрепко запечатлела в сердце своем и решила она: «Обязательно сделаю так».

И вот однажды, когда пришел к ней этот злой змей, она, крепко храня в сердце слова мужа, обращается к этому злодею с лстивыми речами, говоря о том и о другом, а под конец с почтением, восхваляя его, спрашивает: «Много всего ты знаешь, а знаешь ли про смерть свою — какой она будет и от чего?» Он же, злой обманщик, обманут был простительным обманом верной жены, ибо, пренебрегши тем, что тайну ей открывает, сказал: «Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча»¹. Жена же, услышав эти слова, накрепко запомнила их в сердце своем и, когда этот злодей ушел, поведала князю, мужу своему, о том, что сказал ей змей. Князь же, услышав это, недоумевал — что значит: смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча?

А у князя был родной брат по имени Петр. Как-то Павел позвал его к себе и стал говорить ему о словах змея, которые тот сказал жене его. Князь же Петр, услышав от брата своего, что змей назвал того, от чьей руки ему надлежит умереть, его именем, стал думать без колебаний и сомнений, как убить змея. Только одно смущало его — не ведал он ничего об Агриковом мече.

Было у Петра в обычае ходить в одиночестве по церквям. А за городом стояла в женском монастыре церковь Воздвижения честного и животворящего креста. Пришел он в нее один помолиться. И вот явился ему отрок, говоря: «Княже! Хочешь, я покажу тебе Агриков меч?» Он же, стремясь исполнить задуманное, ответил: «Да увижу, где он!» Отрок же сказал: «Иди вслед за мной». И показал князю в алтарной стене меж плитами щель, а в ней лежит меч. Тогда благоверный князь Петр взял тот меч, пошел к брату и поведал ему обо всем. И с того дня стал искать подходящего случая, чтобы убить змея.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе своей, чтобы отдать поклон им. Раз случилось ему прийти в покои к брату своему, и сразу же от него пошел он к снохе своей в другие покои и увидел, что брат его у нее сидит. И, пойдя от нее назад, встретил он одного из слуг брата своего и сказал ему: «Вышел я от брата моего к снохе моей, а брат мой остался в своих покоях, и я, нигде не задерживаясь, быстро пришел в покои к снохе моей и не понимаю, каким образом брат мой очутился раньше меня в покоях снохи моей?» Тот же человек сказал ему: «Господин, никуда после твоего ухода не выходил твой брат из покоев своих!» Тогда Петр уразумел, что это козни лукавого змея. И пришел он к брату и сказал ему: «Когда это ты сюда пришел? Ведь я, когда от тебя из этих покоев ушел и, нигде не задерживаясь, пришел в покои к жене твоей, то увидел тебя сидящим с нею и сильно удивился, как ты пришел раньше меня. И вот снова сюда пришел, нигде не задерживаясь, ты же, не понимаю как, меня опередил и раньше меня здесь оказался?» Павел же ответил: «Никуда я, брат, из покоев этих, после того как ты ушел, не выходил и у жены своей не был». Тогда князь Петр сказал: «Это, брат, козни лукавого змея — тобою мне является, чтобы я не решился убить

¹ *Агрик* — сказочный богатырь. Он побеждал исполинов и чудовищ, собрал несметную сокровищницу оружия, среди которой был и меч-кладенец.

его, думая, что это ты — мой брат. Сейчас, брат, отсюда никуда не выходи, я же пойду туда биться со змеем, надеюсь, что с божьей помощью будет убит лукавый этот змей».

И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом. Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, обрызгав блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпьями, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его.

II

Прослышал Петр, что в Рязанской земле много врачей, и велел везти себя туда — из-за тяжкой болезни сам он сидеть на коне не мог. И когда привезли его в Рязанскую землю, то послал он всех приближенных своих искать врачей.

Один из княжеских отроков забрел в село, называемое Ласково. Пришел он к воротам одного дома и никого не увидел. И зашел в дом, но никто не вышел ему навстречу. Тогда вошел он в горницу и увидел удивительное зрелище: за ткацким станком сидела в одиночестве девушка и ткала холст, а перед нею скакал заяц.

И сказала девушка: «Плохо, когда дом без ушей, а горница без очей!» Юноша же, не поняв этих слов, спросил девушку: «Где хозяин этого дома?» На это она ответила: «Отец и мать мои пошли взаимы плакать, брат же мой пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Юноша же не понимал слов девушки, дивился, видя и слыша подобные чудеса, и спросил у девушки: «Вошел я к тебе и увидел, что ты ткешь, а перед тобой заяц скачет, и услышал я из уст твоих какие-то странные речи и не могу уразуметь, что ты говоришь. Сперва ты сказала: плохо, когда дом без ушей, а горница без очей. Про отца же и мать сказала, что они пошли взаимы плакать, про брата же сказала — «сквозь ноги смерти в глаза смотрит». И ни единого слова твоего я не понял!»

Она же сказала ему: «И этого-то понять не можешь! Пришел ты в дом этот, и в горницу мою вошел, и застал меня в неприбранном виде. Если бы был в нашем доме пес, то учуял бы, что ты к дому подходишь, и стал бы лаять на тебя: это — уши дома. А если бы был в горнице моей ребенок, то, увидя, что идешь в горницу, сказал бы мне об этом: это — очи дома. А то, что я сказала тебе про отца и мать и про брата, что отец мой и мать пошли взаимы плакать — это пошли они на похороны и там оплакивают покойника. А когда за ними смерть придет, то другие их будут оплакивать: это — плач взаимы. Про брата же тебе так сказала потому, что отец мой и брат — древолазы, в лесу по деревьям мед собирают. И сегодня брат мой пошел бортничать, и когда он полезет вверх на дерево, то будет смотреть сквозь ноги на землю, чтобы не сорваться с высоты. Если кто сорвется, тот ведь с жизнью расстанется. Поэтому я и сказала, что он пошел сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

Говорит ей юноша: «Вижу, девушка, что ты мудра. Назови мне имя свое». Она ответила: «Зовут меня Феврония». И тот юноша сказал ей: «Я слуга муромского князя Петра. Князь же мой тяжело болен, в язвах. Покрылся он струпьями от крови злого летучего змея, которого он убил своею рукою. В своем княжестве искал он исцеления у многих врачей, но никто не смог вылечить его. Поэтому повелел он сюда себя привезти, так как слышал, что здесь много врачей. Но мы не знаем ни имен их, ни где они живут, поэтому и расспрашиваем о них». На это она ответила: «Если бы кто-нибудь потребовал твоего князя себе, тот мог бы вылечить его». Юноша же сказал: «Что это ты говоришь — кто может требовать моего князя себе! Если кто вылечит его, того князь богато наградит. Но назови мне имя врача того, кто он и где дом его». Она же ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров!»

Юноша быстро возвратился к князю своему и подробно рассказал ему обо всем, что видел и слышал. Благоверный же князь Петр повелел: «Везите меня туда, где эта девица». И привезли его в тот дом, где жила девушка. И послал он одного из слуг своих, чтобы тот спросил: «Скажи мне, девица, кто хочет меня вылечить? Пусть вылечит и получит богатую награду». Она же без обиняков ответила: «Я хочу его вылечить, но награды никакой от него не требую. Вот к нему слово мое: если я не стану супругой ему, то не подобает мне и лечить его». И вернулся человек тот и передал князю своему, что сказала ему девушка.

Князь же Петр с пренебрежением отнесся к словам ее и подумал: «Ну как это можно — князю дочь древолаза взять себе в жены!» И послал к ней, молвив: «Скажите ей — пусть лечит как умеет. Если вылечит, возьму ее себе в жены». Пришли к ней и передали эти слова. Она же, взяв небольшую плошку, зачерпнула ею хлебной закваски, дунула на нее и сказала: «Пусть истопят князю вашему баню, и пусть он помажет этим все тело свое, где есть струпья и язвы. А один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!»

И принесли князю эту мазь, и велел он истопить баню. Девушку же он захотел испытать в ответах — так ли она мудра, как он слышал о речах ее от отрока своего. Послал он к ней с одним из своих слуг небольшой пучок льна, говоря так: «Эта девица хочет стать моей супругой ради мудрости своей. Если она так мудра, пусть из этого льна сделает мне сорочку, и одежду, и платок за то время, пока я в бане буду». Слуга принес Февронии пучок льна и, вручив его ей, передал княжеский наказ. Она же сказала слуге: «Влезь на нашу печь и, сняв поленце, принеси сюда». Он, послушав ее, принес поленце. Тогда она, отмерив пядью¹, сказала: «Отруби вот это от поленца». Он отрубил. Она говорит ему: «Возьми этот обрубок поленца, пойди и дай своему князю от меня и скажи ему: за то время, пока я очешу этот пучок льна, пусть князь твой смастерит из этого обрубка ткацкий стан и всю остальную снасть, на чем

¹ Пядь — старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутых пальцев — большого и указательного

будет ткаться полотно для него». Слуга принес к своему князю обрубок поленца и передал слова девушки. Князь же говорит: «Пойди скажи девушке, что невозможно из такой маленькой чурочки за такое малое время смастерить то, чего она просит!» Слуга пришел и передал ей слова князя. Девушка же на это ответила: «А это разве возможно — взрослому мужчине из одного пучка льна за то малое время, пока он будет в бане мыться, сделать сорочку, и платье, и платок?» Слуга ушел и передал эти слова князю. Князь же подивился ответу ее.

Потом князь Петр пошел в баню мыться и, как наказывала девушка, мазью помазал язвы и струпы свои. А один струп оставил непомазанным, как девушка велела. И когда вышел из бани, то уже не чувствовал никакой болезни. Наутро же глядит — все тело его здорово и чисто, только один струп остался, который он не помазал, как наказывала девушка. И дивился он столь быстрому исцелению. Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее, а послал ей дары. Она же не приняла.

Князь Петр поехал в вотчину свою, город Муром, выздоровевшим. Лишь оставался на нем один струп, который был не помазан по повелению девушки. И от того струпа пошли новые струпья по всему телу с того дня, как поехал он в вотчину свою. И снова покрылся он весь струпьями и язвами, как и в первый раз.

И опять возвратился князь на испытанное лечение к девушке. И когда пришел к дому ее, то со стыдом послал к ней, прося исцеления. Она же, нимало не гневаясь, сказала: «Если станет мне супругом, то исцелится». Он же твердое слово дал ей, что возьмет ее в жены. И она снова, как и прежде, то же самое лечение определила ему, о каком я уже писал раньше. Он же, быстро исцелившись, взял ее себе в жены. Таким-то вот образом стала Феврония княгиней.

И прибыли они в вотчину свою, город Муром, и начали жить благочестиво, ни в чем не преступая божии заповеди.

III

По прошествии недолгого времени князь Павел скончался. Благоверный же князь Петр после брата своего стал самодержцем в городе своем.

Бояре, по наущению жен своих, не любили княгиню Февронию, потому что стала она княгиней не по происхождению своему, Бог же прославил ее ради доброго ее жития.

Однажды кто-то из прислуживающих ей пришел к благоверному князю Петру и наговорил на нее: «Каждый раз, — говорил он, — окончив трапезу, не по чину из-за стола выходит: перед тем как встать, собирает в руку крошки, будто голодная!» И вот благоверный князь Петр, желая

Венчание святого князя Петра
и святой княгини Февронии.

Фрагмент иконы

ее испытать, повелел, чтобы она пообедала с ним за одним столом. И когда кончился обед, она, по обычаю своему, собрала крошки в руку свою. Тогда князь Петр взял Февронию за руку и, разжав ее, увидел ладан благоухающий и фимиам. И с того дня он ее больше никогда не испытывал.

Минуло немалое время, и вот однажды пришли к князю бояре его во гневе и говорят: «Княже, готовы мы все верно служить тебе и тебя самодержцем иметь, но не хотим, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими. Если хочешь оставаться самодержцем, пусть будет у тебя другая княгиня. Феврония же, взяв богатства, сколько пожелает, пусть уходит куда захочет!» Блаженный¹ же Петр, в обычае которого было ни на что не гневаться, с кротостью ответил: «Скажите об этом Февронии, послушаем, что она скажет».

Неистовые же бояре, потеряв стыд, задумали устроить пир. Стали пировать и вот, когда опьянели, начали вести свои бесстыдные речи, словно псы лающие, отрицая божий дар святой Февронии исцелять, которым бог наградил ее и по смерти. И говорят они: «Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре просят у тебя: дай нам, кого мы у тебя попросим!» Она же в ответ: «Возьмите, кого просите!» Они же, как едиными устами, промолвили: «Мы, госпожа, все хотим, чтобы князь Петр властвовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты господствовала над ними. Взяв сколько тебе нужно богатств, уходи куда пожелаешь!» Тогда она сказала: «Обещала я вам, что, чего ни попросите — получите. Теперь я вам говорю: обещайте мне дать, кого я попрошу у вас». Они же, злодеи, обрадовались, не зная, что их ждет, и поклялись: «Что ни назовешь, то сразу беспрекословно получишь». Тогда она говорит: «Ничего иного не прошу, только супруга моего, князя Петра!» Они же ответили: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Враг помутил их разум — каждый подумал, что, если не будет князя Петра, придется ставить другого самодержца: а ведь в душе каждый из бояр надеялся самодержцем стать.

Блаженный же князь Петр не захотел нарушить божьих заповедей ради царствования в жизни этой, он по божьим заповедям жил, соблюдая их, как богогласный Матфей в своем Благовествовании вещает. Ведь сказано, что если кто прогонит жену свою, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам прелюбодействует. Сей же блаженный князь по Евангелию поступил: пренебрег княжением своим, чтобы заповеди божьей не нарушить.

Злочестивые же бояре эти приготовили для них суда на реке — под этим городом протекает река, называемая Окой. И вот поплыли они по реке в судах. В одном судне с Февронией плыл некий человек, жена которого была на этом же судне. И человек этот, искушаемый лукавым бесом, посмотрел на святую с помыслом. Она же, сразу угадав его дурные мысли, обличила его, сказав ему: «Зачерпни воды из реки сей с этой стороны судна сего». Он почерпнул. И повелела ему испить. Он выпил. Тогда сказала она снова: «Теперь зачерпни воды с другой стороны судна

¹ Блаженный — благой, добрый.

сего». Он почерпнул. И повелела ему снова испить. Он выпил. Тогда она спросила: «Одинакова вода или одна слаще другой?» Он же ответил: «Одинаковая, госпожа, вода». После этого она промолвила: «Так и естество женское одинаково. Почему же ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь?» И человек этот, поняв, что она обладает даром прозорливости, не посмел больше предаваться таким мыслям.

Когда приспел вечер, пристали они к берегу и начали устраиваться на ночлег. Блаженный же князь Петр задумался: «Что теперь будет, коль скоро я по своей воле от княженья отказался?» Предивная же Феврония говорит ему: «Не скорби, княже, милостивый Бог, творец и заступник всех не оставит нас в беде!»

На берегу тем временем на ужин князю Петру готовили еду. И повар его обрубил маленькие деревца, чтобы повесить на них котлы. А когда закончился ужин, святая княгиня Феврония, ходившая по берегу и увидевшая обрубки эти, благословила их, сказав: «Да будут они утром большими деревьями с ветвями и листвою». Так и было: встали утром и нашли вместо обрубков большие деревья с ветвями и листвою.

И вот когда люди собрались грузить с берега на суда пожитки, то пришли вельможи из города Муром, говоря: «Господин наш князь! От всех вельмож и от жителей всего города пришли мы к тебе, не оставь нас, сирот твоих, вернись на свое княжение. Ведь много вельмож погибло в городе от меча. Каждый из них хотел властвовать, и в распри друг друга перебили. И все уцелевшие вместе со всем народом молят тебя: господин наш князь, хотя и прогневали и обидели мы тебя тем, что не захотели, чтобы княгиня Феврония повелевала женами нашими, но теперь со всеми домочадцами своими мы рабы ваши и хотим, чтобы были вы, и любим вас, и молим, чтобы не оставили вы нас, рабов своих!»

Блаженный князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратились в город свой. И правили они в городе том, соблюдая все заповеди и наставления господние безупречно, молясь беспрестанно и милостыню творя всем людям, находившимся под их властью, как чадолюбивые отец и мать. Ко всем питали они равную любовь, не любили жестокости и стяжательства, не жалели тленного богатства, но богатели божьим богатством. И были они для своего города истинными пастырями, а не как наемниками. А городом своим управляли со справедливостью и кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных насыщали, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

*Пётр и Феврония возвращаются
в Муром. Икона*

IV

Когда приспело время благочестивого преставления их, умолили они бога, чтобы в одно время умереть им. И завещали, чтобы их обоих положили в одну гробницу, и велели сделать из одного камня два гроба, имеющих меж собою тонкую перегородку. В одно время приняли они монашество и облачились в иноческие одежды. И назван был в иноческом чину блаженный князь Петр Давидом, а преподобная Феврония в иноческом чину была названа Ефросинией.

В то время, когда преподобная и блаженная Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала лики святых на воздухе¹ для соборного храма пречистой Богородицы, преподобный и блаженный князь Петр, нареченный Давидом, послал к ней сказать: «О сестра Ефросиния! Пришло время кончины, но жду тебя, чтобы вместе отойти к Богу». Она же ответила: «Подожди, господин, пока дошью воздух во святую церковь». Он во второй раз послал сказать: «Недолго могу ждать тебя». И в третий раз прислал сказать: «Уже умираю и не могу больше ждать!» Она же в это время заканчивала вышивание того святого воздуха: только у одного святого мантию еще не докончила, а лицо уже вышила; и остановилась, и воткнула иглу свою в воздух, и замотала вокруг нее нитку, которой вышивала. И послала сказать блаженному Петру, нареченному Давидом, что умирает вместе с ним. И, помолившись, отдали они оба святые свои души в руки божий в двадцать пятый день месяца июня.

После преставления их решили люди тело блаженного князя Петра похоронить в городе, у соборной церкви пречистой Богородицы, Февронию же похоронить в загородном женском монастыре, у церкви Воздвижения честного и животворящего креста, говоря, что так как они стали иноками, нельзя положить их в один гроб. И сделали им отдельные гробы, в которые положили тела их: тело святого Петра, нареченного Давидом, положили в его гроб и поставили до утра в городской церкви святой Богородицы, а тело святой Февронии, нареченной Ефросинией, положили в ее гроб и поставили в загородной церкви Воздвижения честного и животворящего креста. Общий же их гроб, который они сами повелели высечь себе из одного камня, остался пустым в том же городском соборном храме пречистой Богородицы. Но на другой день утром люди увидели, что отдельные гробы, в которые они их положили, пусты, а святые тела их нашли в городской соборной церкви пречистой Богородицы в общем их гробе, который они велели сделать для себя еще при жизни. Неразумные же люди как при жизни, так и после честного преставления Петра и Февронии пытались разлучить их: опять переложили их в отдельные гробы и снова разъединили. И снова утром оказались святые в едином гробе. И после этого уже не смели трогать их святые тела и погребли их возле городской соборной церкви Рождества святой Богородицы, как повелели они сами — в едином гробе, который бог даровал на просвещение и на спасение города того: припадающие с верой к раке с мощами их щедро обретают исцеление.

Мы же по силе нашей да воздадим похвалу им.

¹ *Вóздух* — покров для чаши

Вопросы и задания

● Поделимся первыми впечатлениями и размышлениями

1. Чем затронула вас история жизни и любви в «Повести о Петре и Февронии Муромских»? О чем она заставила вас задуматься?
2. Каково ваше мнение о князе Петре как о молодом правителе города Муром, человеке и супруге?
3. Чем, по вашему мнению, необыкновенна Феврония? Что сближает ее с героиней известной вам украинской народной сказки «Мудра дівчина»?

● Углубимся в текст повести

4. Заметьте, что повесть начинается, как сказка, где действует Змей-искуситель, и в противостояние с ним вступает молодой князь Петр. Какое отношение к себе он вызывает у читателей? Какие фольклорные приемы использует здесь автор?
5. Сразу ли оценил князь Петр ум и мудрость крестьянской девушки Февронии?
6. «Но не захотел он взять ее в жены из-за происхождения ее», — говорится в повести. Насколько уважительна была для князя эта причина, чтобы не сдержать своего слова? Почему он в следующий раз остается верен обещанному и берет в жены Февронию?
7. Какие испытания преодолевали Петр и Феврония в супружеской жизни? Что помогало им сохранять стойкость и преданность друг другу?
8. Почему князя Петра и Февронию автор называет «чадолюбивые отец и мать»? Ответьте на этот вопрос словами из текста повести.
9. Важно знать, что князь Петр и Феврония не только литературные персонажи. Достоверно известно, что князь Петр правил в Муроме в конце XII — начале XIII веков, и сразу же после смерти он и его жена Феврония стали почитаться в народе как люди особо праведной жизни. В XVI веке супруги были причислены к лику святых. За что удостоены они вечной памяти и вечного примера для людей?

Для самостоятельной работы

1. Подготовьте рассказы с использованием слов и выражений из повести, характеризующих князя Петра и Февронию: 1) «Благочестивый и праведный князь Петр». 2) «Прозорливая и праведная Феврония».
2. В России День Петра и Февронии Муромских (8 июля) стал отмечаться с 2008 года как День семьи, любви и верности. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Поучительность истории жизни и любви Петра и Февронии Муромских».

Для будущих филологов

1. Прочитайте самостоятельно «Задонщину» о великом сражении на Куликовом поле, подготовьте краткий пересказ ее с выразительным чтением отрывков:
 - обращение князя Дмитрия Ивановича к своему войску от слов: «И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам...» (задание для мальчиков);
 - плачи жен от слов: «Запели птицы жалостные песни...» (задание для девочек).

ЖАНРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Как мы приступаем к чтению новой книги? Конечно же, обращаем внимание на название, на автора. Нас интересуют и другие её особенности: мы намеренно выбираем для чтения рассказы или повести, басни или стихотворения. От сказки мы ждём увлекательного сюжета и чудодейственного волшебства; от басни — смешной истории, яркой аллегории, мудрого поучения. Приступая к чтению рассказа, мы знаем, что это — небольшое произведение о каких-то интересных событиях из жизни человека (или животного).

Стихотворения привлекают нас чаще всего своим лирическим содержанием, погружая в мир чувств и переживаний поэта.

Жанр литературный (от франц. *genre* — род, вид) — это проявление в более или менее обширной группе произведений общих признаков изображения действительности. По этим наиболее характерным признакам мы и отличаем басню, например, от рассказа, а рассказ от повести.

Понятие «жанр» в литературе соответствует понятию «вид», однако термин «жанр» является наиболее употребительным. Если бы вам самим захотелось сочинить что-нибудь своё, собственное, то вы, конечно же, в первую очередь, определили бы для себя жанр будущего произведения — стихотворения, басни или, может быть, поэмы.

Обращение к тому или иному жанру во многом зависит от особенностей таланта писателя. Выдающиеся писатели могут быть одинаково велики во многих видах (жанрах) искусства слова — в повестях, романах, рассказах и сказках, стихотворениях и песнях, поэмах и драмах. У русских поэтов Александра Пушкина и Михаила Лермонтова есть произведения всех названных жанров.

Каждый литературный жанр уникален по своим возможностям изображать действительность с помощью художественного слова. Поэтому нельзя возвышать одни жанры над другими. Ещё в XVIII веке выдающийся французский философ и писатель Вольтер по поводу разнообразия литературных жанров говорил, что все жанры хороши, кроме скучного. Никакие жанры не уходят в прошлое безвозвратно, как никогда не умирают хорошие книги. Они живут и в первых изданиях, и в современных, которые собирают широкий круг новых читателей. И сегодня нас пленяет и музыка стиха, и увлекательная проза — «Повести Белкина» Пушкина, «Записки охотника» Тургенева, рассказы Чехова и многие другие замечательные произведения русской и мировой литературы.

Давайте побеседуем

1. Что такое жанр литературного произведения?
2. Каким жанрам вы отдаёте предпочтение в своём чтении?
3. Назовите имена известных вам баснописцев и сказочников мировой литературы (русской, украинской и др.). Какие их произведения вы помните?
4. Назовите полюбившиеся вам художественные произведения, изученные в школе. Определите их жанр.
5. Какие жанры (виды) произведений устного народного творчества вы знаете?

Баллада в литературе

Баллада появилась впервые в романских странах (Франции, Испании, Италии) в средние века и первоначально представляла собой плясовую песню. Баллада (от франц. *vallade* — танцевальная песня). Широкое распространение баллада получила в устном народном творчестве и постепенно теряла связь с танцами.

В XVIII веке особую известность в Европе приобрели английские и шотландские народные баллады с историческим, легендарным или бытовым содержанием. Самыми популярными среди них стали баллады о хорошо знакомом вам Робине Гуде, любимом герое народа, защитнике бедных и угнетенных.

Под влиянием народной баллады создавались литературные, то есть авторские баллады. К этому жанру в европейской литературе обращались немцы Ф. Шиллер и И. В. Гёте, англичанин В. Скотт, поляк А. Мицкевич, русские А. Пушкин, М. Лермонтов, А. К. Толстой и др. Источником балладного содержания всегда служили легенды, сказки, исторические события и бытовые происшествия, местные поверия и обычаи.

Итак, **литературная баллада** — это поэтическое произведение, в котором повествуется об историческом, легендарном или бытовом событии. Характерные особенности баллады — таинственность, загадочность содержания, прерывистость повествования, диалоги, повторы, трагический финал.

В России литературная баллада появилась в конце XVIII века. Это были переводные европейские баллады. Первые русские оригинальные баллады «Светлана» и «Людмила» написал поэт Василий Андреевич Жуковский в начале XIX века. В известной вам из 6 класса балладе А. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» поэт не только сохранил особенности баллады, но и внёс в неё много нового, передал дух исторической эпохи, создал характер язычника Олега в соответствии с летописной легендой.

Баллада остаётся популярной также в современной русской и мировой литературе. Интересные баллады сочинял поэт и певец Владимир Высоцкий (1938-1980).

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Что называется балладой?
2. Кто из западноевропейских и русских поэтов обращался в своём творчестве к жанру баллады?
3. Назовите особенности баллады. Какие из них отражены в пушкинской балладе «Песнь о вещем Олеге»?

Василий Андреевич ЖУКОВСКИЙ

(1783-1852)

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую дадь*

А. Пушкин

Василий Андреевич Жуковский — замечательный русский поэт. Он, по выражению литературного критика Виссариона Белинского, «первый на Руси выговорил жалобы человека на жизнь» и дал русской поэзии «душу и сердце».

Жуковский родился в селе Мишенском Тульской губернии в семье помещика. Его литературные склонности проявились в отроческом возрасте.

Когда Жуковскому исполнилось четырнадцать лет, его отвезли в Москву и определили в Благородный пансион при университете. Там он увлекался литературой, жадно интересовался произведениями немецких и английских авторов, читал сочинения русского писателя и историка Николая Карамзина. Там же, в пансионе, он начал писать стихи. Первым печатным произведением восемнадцатилетнего Жуковского стал перевод стихотворения английского поэта Грея «Сельское кладбище», опубликованный в 1801 году.

Вернувшись в Мишенское, Жуковский в течение нескольких лет жил в уединении, много работал, читал, переводил, писал повести и стихотворения, занимался самовоспитанием. «Надобно сделаться человеком, — записывал он. — Я нынче гораздо сильнее чувствую, что я не должен пресмыкаться в этой жизни, что должен возвысить, образовать свою душу, сделать всё, что могу, для других». Так понимал Жуковский свой долг поэта: возвышая собственную душу, сделать всё, чтобы помочь другим понять ценность свободы, унижительность рабства, помочь сделаться человеком.

В 1808 году Жуковский приезжает в Москву, становится редактором журнала «Вестник Европы», помещает в нём и свои статьи, оригинальные стихотворения, переводы. В 1831 году он перевёл и опубликовал балладу «Перчатка» немецкого поэта Фридриха Шиллера. Тогда же он начинает печатать свои баллады, которые сразу приносят ему известность и славу.

Василий Андреевич Жуковский стал автором первых русских оригинальных баллад. Из них наибольшую известность приобрела баллада «Светлана» (1808-1812 гг.). Она была закончена в 1812 году, когда вторжение Наполеона в Россию побудило миролюбивого автора элегий¹ и

баллад Жуковского вступить в ряды защитников родины. Он записался добровольцем в московское ополчение. Поэту не довелось участвовать в боях. Во время Бородинского сражения московское ополчение располагалось в резерве, в нескольких верстах от главной армии. Но, по его собственному признанию, он видел войну «во всех её ужасах».

Пятьдесят лет работал поэт Василий Жуковский. Его литературная известность началась, как вы уже знаете, с переложения стихотворения иностранного автора, его творческая деятельность оборвалась за работой над переводом великого памятника мировой литературы — «Илиады» Гомера. Как переводчик Жуковский познакомил русских читателей с замечательными произведениями немецких поэтов Шиллера и Гёте, английских — Байрона и Вальтера Скотта, персидского поэта Фирдоуси и многих других. В своих переводах он был настоящим соперником великих поэтов, равным им по таланту. «Переводный слог его, — писал о Жуковском Пушкин, — останется всегда образцовым».

- ?** 1. Что способствовало развитию литературного таланта Василия Андреевича Жуковского?
2. В чём видел юный Жуковский свой долг поэта?

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой²

Раз в крещенский вечерок³
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клади перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.

«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье⁴».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...

¹ *Элегия* — лирическое стихотворение, проникнутое грустью.

² Баллада посвящена Александре Андреевне Протасовой (1795-1839), в замужестве Воейковой.

³ *Крещенский вечерок* — канун церковного праздника Крещения (18 января).

⁴ *Наложье (аналой)* — высокий столик с покатым верхом для икон и богослужебных книг.

Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей замок;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершись локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...

Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
Тихий, лёгкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели... кони с места враз,
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.

К. Брюлов. «Гадающая Светлана». 1836 г.
Как передано в иллюстрации представление художника о юной красавице?

Скачут... пусто всё вокруг;
 Степь в очах Светланы;
 На луне туманный круг;
 Чуть блестят поляны.
 Сердце вещее дрожит;
 Робко дева говорит:
 «Что ты смолкнул, милый?»
 Ни полслова ей в ответ:
 Он глядит на лунный свет,
 Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм,
 Топчут снег глубокий...
 Вот в сторонке Божий храм
 Виден одинокий;
 Двери вихорь отворил:
 Тьма людей во храме;
 Яркий свет паникадил¹
 Тускнет в фимиаме²;
 На середине чёрный гроб;
 И гласит протяжно поп:
 «Буди взят могилой!»
 Пуще девица дрожит;
 Кони мимо; друг молчит,
 Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
 Снег валит клоками;
 Чёрный вран³, свистя крылом,
 Вьётся над санями;
 Ворон каркает: печаль!
 Кони торопливы
 Чутко смотря в тёмну даль,
 Воздымая гривы;

Брезжит в поле огонёк;
 Виден мирный уголок,
 Хижинка под снегом.
 Кони быстрые быстрей,
 Снег взрывая, прямо к ней
 Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
 Из очей пропали:
 Кони, сани и жених
 Будто не бывали.
 Одинокая, впотьмах,
 Брошена от друга,
 В страшных девица местах;
 Вкруг метель и вьюга.
 Возвратиться — следу нет...
 Виден ей в избушке свет;
 Вот перекрестилась,
 В дверь с молитвою стучит...
 Дверь шатнулася... скрипит...
 Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб накрыт
 Белою запоной;
 Спасов лик в ногах стоит;
 Свечка пред иконой...
 Ах! Светлана, что с тобой?
 В чью зашла обитель?
 Страшен хижины пустой
 Безответный житель.
 Входит с трепетом, в слезах;
 Пред иконой пала в прах,
 Спасу помолилась;
 И, с крестом своим в руке,
 Под святыми в уголке
 Робко притаилась.

Всё утихло... вьюги нет...
 Слабо свечка тлится,
 То прольёт дрожащий свет,
 То опять затмится...
 Всё в глубоком, мёртвом сне,
 Страшное молчанье...
 Чу, Светлана!., в тишине
 Лёгкое журчанье...
 Вот глядит: к ней в уголок
 Белоснежный голубок
 С светлыми глазами,

¹ Паникадiло — люстра со свечами.

² Фимиам — ароматический дым, возникающий при сожжении благовонного вещества.

³ Вран — ворон.

Тихо вея, прилетел,
 К ней на перси тихо сел,
 Обнял их крылами.
 Смолкло всё опять кругом...
 Вот Светлане мнится,
 Что под белым полотном
 Мёртвый шевелится...
 Сорвался покров; мертвец
 (Лик мрачнее ночи)
 Виден весь — на лбу венец,
 Затворёны очи.
 Вдруг... в устах сомкнутых стон;
 Силится раздвинуть он
 Руки охладели...
 Что же девица?.. Дрожит...
 Гибель близко... но не спит
 Голубочек белый.
 Встрепенулся, развернул
 Лёгкие он крылы;
 К мертвецу на грудь вспорхнул...
 Всей лишённый силы,
 Простонав, заскрежетал
 Страшно он зубами
 И на деву засверкал
 Грозными очами...
 Снова бледность на устах;
 В закатившихся глазах
 Смерть изобразилась...
 Глядь, Светлана... о творец!
 Милый друг её — мертвец!
 Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
 Посреди светлицы;
 В тонкий занавес окна
 Светит луч денницы;
 Шумный бьёт крылом петух,
 День встречая пенем;
 Всё блестит... Светланин дух
 Смутен сновиденьем.
 «Ах! ужасный, грозный сон!
 Не добро вещает он —

Горькую судьбину;
 Тайный мрак грядущих дней,
 Что сулишь душе моей,
 Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
 Под окном Светлана;
 Из окна широкий путь
 Виден сквозь тумана;
 Снег на солнышке блестит,
 Пар алеет тонкий...
 Чу!.. в дали пустой гремит
 Колокольчик звонкий;
 На дороге снежный прах;
 Мчат, как будто на крылах,
 Санки кони рьяны;
 Ближе; вот уж у ворот;
 Статный гость к крыльцу идёт.
 Кто?.. Жених Светланы.
 Что же твой, Светлана, сон,
 Прорицатель муки?
 Друг с тобой; всё тот же он
 В опыте разлуки;
 Та ж любовь в его очах,
 Те ж приятны взоры;
 Те ж на сладостных устах
 Милы разговоры.
 Отворяйся ж, Божий храм;
 Вы летите к небесам,
 Верные обеты;
 Соберитесь, стар и млад;
 Сдвинув звонки чаши, в лад
 Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
 На мою балладу;
 В ней большие чудеса,
 Очень мало складу.
 Взором счастливый твоим,
 Не хочу и славы;
 Слава — нас учили — дым;
 Свет¹ — судья лукавый.

¹ Свет — здесь: круг богатых и знатных людей.

Вот баллады толк моей:
 «Лучший друг нам в жизни сей
 Вера в Провиденье¹.
 Благ Зиждителя² закон:
 Здесь несчастье — лживый сон;
 Счастье — пробуждение».

О! не знай сих страшных снов
 Ты, моя Светлана...
 Будь, Создатель, ей покров!
 Ни печали рана,

Ни минутной грусти тень
 К ней да не коснётся;
 В ней душа — как ясный день;
 Ах! да пронесётся
 Мимо — Бедствия рука;
 Как приятный ручейка
 Блеск на лоне луга,
 Будь вся жизнь её светла,
 Будь весёлость, как была,
 Дней её подруга.

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

1. Чем особенно запоминается баллада «Светлана» после знакомства с её содержанием?
2. Какие чувства героини вы разделяли, читая эту балладу?

● Углубимся в текст баллады

3. Согласитесь, что уже с первых строк баллады внимание читателя сосредоточивается на описании необычной для нас сцены — гадания девушек в «крещенский вечерок». Какие же русские народные поверья отражены в балладе?
4. Василий Жуковский первый из русских поэтов заговорил в своих произведениях о состоянии души человека. С чем связаны переживания его героини в балладе «Светлана»? Прочитайте выразительно соответствующие отрывки.
5. Заметьте, что всё страшное и печальное происходит во сне Светланы. Что же самое главное хочет сказать поэт в своей балладе, изображая счастливый конец?
6. Какие особенности, характерные для жанра баллады, проявились в «Светлане» В. Жуковского?

Для самостоятельной работы

6. Подготовьте выразительное чтение понравившегося вам отрывка.
7. Отметьте слова и выражения в балладе, взятые Жуковским из живой разговорной речи.

Для будущих филологов

На примере одной из баллад В. Жуковского («Ивиковы журавли», «Лесной царь», «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», «Кубок») подготовьте выступление на тему: «Василий Жуковский — замечательный переводчик европейских поэтов».

¹ Провиденье — Бог.

² Зиждитель — Бог, Создатель.

Фридрих ШИЛЛЕР

(1759-1805)

*«Шиллер! Благословляю тебя, тебе
обязан я святыми минутами
начальной юности!..»*

А. Герцен¹

Поздним сентябрьским вечером 1782 года у городских ворот немецкого города Штутгарта стражники остановили скромную коляску, в которой находились двое молодых людей. Один из двух путников — Фридрих Шиллер, под чужим именем бежавший в день придворного праздника из герцогства Вюртембергского. Ему было 23 года, когда он бежал в сентябрьскую ночь навстречу неизвестности, с несколькими талерами в кармане и рукописью в маленьком сундучке. Но за плечами его был нелегкий жизненный опыт.

Жизнь Шиллера была трудна, как и жизнь многих немцев в раздробленной Германии XVIII века, разделенной на многочисленные королевства, герцогства и княжества. Родился он в 1759 году в маленьком городке Марбахе Вюртембергского герцогства. Мать его была дочерью сельского булочника, отец — военным фельдшером. Фридрих Шиллер, как сын офицера герцогской армии, был определен в военную академию, в которой провел восемь лет. Муштра и постоянный надзор составляли основу военного обучения в тогдашней немецкой армии, когда из людей стремились сделать камни, по выражению поэта.

Шиллер учился в академии на медицинском факультете, окончил ее в 1780 году и был определен на службу полковым врачом с весьма скудной оплатой. Будучи еще в военной школе, Шиллер увлекался поэзией. Некоторые его лирические стихи уже тогда были напечатаны. Украдкой по ночам писал он и свою первую драму «Разбойники», которую потом днем, также украдкой, читал своим школьным товарищам. Закончена она была, когда Шиллер уже вышел из школы. Пьеса, поставленная в театре города Мангейма, вызвала бурю восторга во всей Германии. Написана она была под впечатлением гнетущей тирании Вюртембергского принца Карла Евгения. Эпиграф драмы прямо говорит о ее замысле: «In tiranos!» («Против тиранов!»). Общественное значение пьесы Шиллера было огромно. Во Франции во время революции она ставилась в театрах

¹ А. И. Герцен (1812-1870) — русский писатель.

Парижа. Французский конвент¹ посылал Шиллеру — «другу человечества» — патент на право французского гражданства.

Поэзия Шиллера оказала большое влияние на молодежь конца XVIII и начала XIX столетия. Шиллера читают в России лицеисты Пушкин, Дельвиг, Пущин, Кюхельбекер, русские декабристы. Пушкин, вспоминая о годах лицея, писал, обращаясь к Кюхельбекеру:

Я жду тебя, мой запоздалый друг, —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Светлая поэзия Шиллера несла всему миру великую идею свободы. Его имя становится символом самого бескорыстного служения народу. Однако в жизни самого поэта все складывалось непросто. Когда он однажды обратился к герцогу Карлу Евгению с просьбой отлучиться, тот грубо отказал и предложил усерднее заниматься делами службы полкового лекаря. Шиллер, дважды не получив разрешения у герцога, уезжал в Мангейм на представления своей драмы «Разбойники», за что был строго наказан и две недели провел на гауптвахте.

Такова была жизнь поэта. Ему не оставалось ничего иного, как бежать из пределов Вюртембергского герцогства, что он и сделал в глухую сентябрьскую ночь 1782 года.

Первое время поэт скитался по Германии, переезжая из города в город. Несмотря на все лишения, в этот период он создает стихотворные произведения, знаменитую драму «Коварство и любовь» и исторические работы («Историю тридцатилетней войны»). Популярность Шиллера растет не только среди читателей и зрителей театра, но и среди ученого мира. Его приглашают в качестве профессора в Иенский университет.

Вторую половину своей жизни Шиллер провел в Веймаре, здесь он сближается с выдающимся немецким поэтом Гёте. Вместе они создают журнал «Оры» (Оры — древнегреческие богини времени) и ставят своей целью эстетическое² воспитание читателей, чтобы «соединить разрозненный политический мир под знаменем истины и красоты».

Обстановка в Веймаре благоприятствует созданию многих замечательных драм Шиллера («Мария Стюарт», «Орлеанская дева», «Вильгельм Телль» и др.), принесших поэту славу и любовь почитателей его таланта. В начале XIX века Шиллер пишет свои баллады «Торжество победителей», «Ивиковы журавли», «Кубок» и другие, проникнутые призывом к состраданию жертвам жестоких войн, к истинному благородству. Его баллады — это баллады-притчи, в которых раскрываются примеры истинно человеческого поведения. Их содержание, запечатлённое Шиллером в совершенной художественной форме и переведённое на русский язык В. Жуковским, всегда оказывает огромное воздействие на читателя.

¹ Конвент — название выборных органов с особыми законодательными полномочиями.

² Эстетика (от греч. *aisthetikos* — чувствующий, чувственный) — философская наука, изучающая сферу отношений между человеком и миром и область художественной деятельности людей.

- ? 1. Что было характерно для государственного устройства Германии во время становления Шиллера как поэта?
2. Чем объяснялся успех первой пьесы Шиллера «Разбойники»?
3. К каким литературным жанрам обращался Шиллер на протяжении своего творчества?

ПЕРЧАТКА

Из Шиллера

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою —
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой
И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прынул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт
И крадется, косяся взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжкой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли
И зарычали и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт;
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

*Х. Рамберг. Иллюстрация. 1849 г.
к стихотворению Ф. Шиллера «Перчатка».*

Как передал художник самое неожиданное
и напряжённое событие баллады?

❧ Вопросы и задания ❧

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

1. Чем увлекает вас чтение баллады «Перчатка», повествующей о событии времён средневековья?
2. Какими вы представляете себе её героев — молодого рыцаря и красавицу?
3. Что вы знаете о временах рыцарства из уроков истории и из других источников?

● Углубимся в текст баллады

4. Как изображаются в балладе дикие звери перед битвой? Почему этой сцене отводится большая часть произведения? Прочитайте выразительно эту сцену.
5. Какие описания в этом произведении передают таинственность, то есть то, что относится к балладным приёмам изображения?
6. Случайно или преднамеренно была обронена женская перчатка, упавшая «меж зверей»? Аргументируйте свой ответ, опираясь на текст баллады.
7. Какие высокие человеческие качества проявились в поступке молодого рыцаря Делоржа?
8. В чём противопоставлены рыцарь и его возлюбленная? Что особенно привлекает вас в Делорже?
9. Балладу «Перчатка» перевёл на русский язык В. Жуковский. Что, по вашему мнению, побудило его взяться за перевод этой баллады?
10. Отметьте художественные достоинства баллады. Как, например, поэт передаёт нарастание напряжения изображаемого события?

Для самостоятельной работы

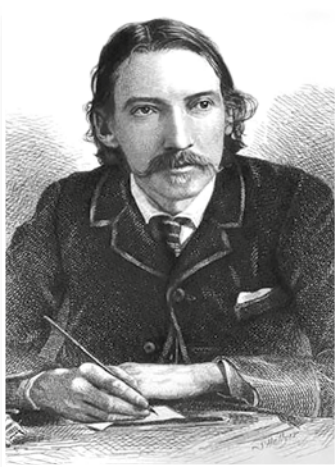
11. Подготовьте выразительное чтение баллады.
12. Ответьте на вопрос: в чём смысл слов рыцаря, заключающих балладу?

Для дискуссии

Главный герой баллады рыцарь Делорж в угрожающей для его жизни ситуации остаётся живым. Почему автор здесь избегает трагического финала для своего героя?

Роберт Льюис СТИВЕНСОН

(1850-1894)

*Я верю, каждый будет там,
Куда всю жизнь стремиться сам.*

Р. Л. Стивенсон

Роберт Льюис Стивенсон известен читателям всего мира как автор романа «Остров сокровищ» (1883 г.), который вот уже более ста лет остаётся любимой книгой детей и подростков. Стивенсон написал также много других романов, но именно «Остров сокровищ» сделал его имя таким популярным.

Будущий писатель ещё в детстве удивлял всех богатством своего воображения и умением необыкновенно интересно рассказывать.

В 1867 году он поступил в Эдинбургский университет на юридический факультет, но смыслом его жизни стала литературная деятельность.

Желание написать роман «Остров сокровищ» возникло у Стивенсона, когда он играл со своим пасынком Ллойдом Осборном. Стивенсон нарисовал карту выдуманного им острова, и они вместе с мальчиком стали сочинять истории о людях, побывавших на этом острове. Многие из этих историй были правдоподобны: Стивенсон слышал их от своего отца — инспектора морских маяков. Так из игры, благодаря творческому дарованию, возник знаменитый роман.

Несмотря на то, что большую часть своей жизни Стивенсон провёл дома, то больным в постели (у него был туберкулёз), то за письменным столом, жизнь в его книгах предстаёт в необыкновенно ярких картинах. В них кипят морские волны, мигают огни маяков, молодые герои сражаются за своё счастье. Стивенсон был уверен, что задача писателя состоит в том, чтобы разжечь воображение читателя, увлечь его, порадовать своей фантазией. Стивенсона всегда привлекали сильные, мужественные, благородные натуры. Именно таких героев, защищающих добро и справедливость, изобразил он в своих романах «Похищенный» (1886 г.), «Чёрная стрела» (1888 г.) и «Катриона» (1893 г.).

Последние годы жизни Стивенсон провёл на полинезийских островах Самоа. Там он впервые смог проявить себя как общественный деятель, выступив в защиту жителей Самоа, притесняемых немецкими, американскими и английскими колонизаторами.

В письме к другу Стивенсон писал о своей жизни: «В течение четырнадцати лет я ни одного дня не чувствовал себя здоровым, я просыпался больным и ложился в постель измученным, и всё это время я трудился, не отступая от своего дома и намеченного пути. Я писал в постели, писал, когда меня бил озноб, писал, когда у меня от слабости кружилась голова, и мне кажется, я с честью поднял перчатку, брошенную мне судьбой, и одержал победу в битве с жизнью...»

Защитник свободы и независимости, Стивенсон в своих поэтических произведениях часто обращался к народным сказаниям, легендам Шотландии и Англии, черпал из них образы гордых, несгибаемых людей. Ярким примером этого является его баллада «Вересковый мёд».

- ?** 1. Какое впечатление сложилось у вас о личности писателя Р. Л. Стивенсона?
 2. Если вы читали роман «Остров сокровищ», то передайте кратко его сюжет, расскажите о запомнившихся вам героях.
 3. Чем нравится вам экранизация романа «Остров сокровищ»? Вспомните и перескажите наиболее яркие эпизоды из фильма.

ВЕРЕСКОВЫЙ МЁД

Из вереска напиток
 Забыт давным-давно.
 А был он слаще мёда,
 Пьянее, чем вино.
 В котлах его варили
 И пили всей семьёй
 Малютки-медовары
 В пещерах под землёй.
 Пришёл король шотландский,
 Безжалостный к врагам,
 Погнал он бедных пиктов
 К скалистым берегам.
 На вересковом поле,
 На поле боевом
 Лежал живой на мёртвом
 И мёртвый — на живом.
 Лето в стране настало,
 Вереск опять цветёт,
 Но некому готовить
 Вересковый мёд.
 В своих могилках тесных,
 В горах родной земли
 Малютки-медовары
 Приют себе нашли.
 Король по склону едет
 Над морем на коне,

А рядом реют чайки
 С дорогой наравне.
 Король глядит угрюмо
 И думает: «Кругом
 Цветёт медвяный вереск
 А мёда мы не пьём!»
 Но вот его вассалы
 Приметили двоих
 Последних медоваров,
 Оставшихся в живых.
 Вышли они из-под камня,
 Щурясь на белый свет, —
 Старый горбатый карлик
 И мальчик пятнадцати лет.
 К берегу моря крутому
 Их привели на допрос,
 Но ни один из пленных
 Слова не произнёс.
 Сидел король шотландский,
 Не шевелясь в седле,
 А маленькие люди
 Стояли на земле.
 Гневно король промолвил:
 «Пытка обоих ждёт,
 Если не скажете, черти,
 Как вы готовили мёд».

А. Харшак. Иллюстрация к балладе. 1980 г. Дайте свое название этой иллюстрации.

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.
И вдруг голосок раздался:
«Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!
Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю.
Выдам заветную тайну!» —
Карлик сказал королю.
Голос его воробыный
Резко и чётко звучал:
«Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!
Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочём.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нём.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
И я научу шотландцев
Готовить старинный мёд!»
Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал,
Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик.
«Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды,
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.
А мне костёр не страшен.
Пускай со мной умрёт
Моя святая тайна —
Мой вересковый мёд!»

Перевод С. Маршака

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

- 1 Чем взволновала вас история, рассказанная в балладе «Вересковый мёд»?
- 2 Какие поэтические картины баллады предстают перед вами ярче всего?

● Углубимся в текст повести

3. Обратите внимание на начало баллады, где говорится, на каком поле лежали «живой на мёртвом и мёртвый на живом». К какой мысли подводит здесь нас автор?
4. Какое чувство вызывает у вас шотландский король — победитель пиктов, когда вы читаете, о чём он думает, глядя на поле боя?
5. Древние пикты отличались малым ростом. «Малютками-пивоварами» называет их автор. Как вы думаете, почему в балладе неоднократно подчёркивается эта особенность народа пиктов?
6. Какие качества характера проявили отец и сын? Прочитайте выразительно монолог отца-старика. Как вы относитесь к его поступку?
7. Балладу «Вересковый мёд» перевёл на русский язык Самуил Яковлевич Маршак. Отметьте эпитеты, метафоры, олицетворения и другие выразительные средства языка, с помощью которых передаются наиболее напряжённые моменты повествования.
8. Навсегда утрачен рецепт изготовления верескового напитка древних пиктов. Но память об этих людях сохранилась. Почему? Как вы оцениваете подвиг отца и сына?

Для самостоятельной работы

9. Подготовьте выразительное чтение баллады.
10. Ответьте на вопрос: почему «Вересковый мёд» Стивенсона относится к жанру баллады?

Для будущих филологов

Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос: как соотносятся между собой по смыслу и по степени воздействия на читателя начало и конец баллады «Вересковый мёд»

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Назовите отличительные особенности жанра баллады. Где впервые зародился этот жанр?
2. К какой теме обращается В. А. Жуковский в своей балладе «Светлана»? Какие силы побеждают в ней?
3. В чем противопоставляются рыцарь и красавица из баллады Ф. Шиллера «Перчатка»?
4. Почему легенда о подвиге отца и сына живет в веках? Почему она легла в основу баллады Р. Л. Стивенсона «Вересковый мед»?
5. Назовите имена тех, кто переводил баллады Ф. Шиллера, А. Мицкевича, Р. Стивенсона.
6. Чем нравятся вам баллады? Прочитайте наизусть отрывок из какой-либо баллады, изученной в классе.

Адам МИЦКЕВИЧ

(1798-1855)

*«Друзья молодые! Вставайте разом!
Счастье всех — наша цель и дела.»*

*А. Мицкевич
(«Ода к молодости»)*

Имя поэта Мицкевича, наряду с другими славными польскими именами — Коперника¹, Шопена², Складовской-Кюри³ — стало примером того вклада, который внесла Польша в сокровищницу мировой культуры. Он родился 24 декабря 1798 года на хуторе Заосье близ города Новогрудка (ныне Белоруссия). Детство и молодые годы его проходили в Белоруссии и Литве. История этих земель, переживших натиск крестоносцев и татарские набеги, хранила также память о войне между Речью Посполитой⁴ и Московским государством.

В девятилетнем возрасте Адам поступил в доминиканскую школу⁵, а после ее окончания — в Виленский университет, который был в то время крупнейшим центром польской культуры.

В студенческие годы Адам был активистом, посещал патриотические молодежные кружки, начинал писать стихи. После университета стал учителем, но через 4 года его вместе с товарищами, которые проходили по делу филوماتов (филоматы — «любящие науку») арестовали. По счастливому стечению обстоятельств и благодаря поддержке друзей ему удалось отделаться сравнительно легким наказанием — высылкой во внутренние губернии Российской империи. С 1824 по 1829 годы он пробыл в России (Петербург, Одесса, Москва, снова Петербург), где сблизился с участниками декабристского движения К. Ф. Рылевым, А. А. Бестужевым и видными писателями, высоко оценившими его талант. В России к Мицкевичу приходят подлинная слава и признание. Кроме того, это

¹ Николай Коперник (1473-1543) — польский астроном, совершивший переворот в науке. Объяснил видимые движения небесных светил вращением Земли вокруг своей оси и обращением планет (в том числе Земли) вокруг Солнца.

² Фридерик Шопен (1810-1849) — польский композитор и пианист.

³ Мария Складовская-Кюри (1867-1934) — польский ученый-физик, исследовала и открыла явления радиоактивности, лауреат двух Нобелевских премий 1903 и 1911 гг.

⁴ Речь Посполита — объединенное польско-литовское государство со времени Люблинской унии с 1569 по 1795 гг.

⁵ Школа для светских лиц при Католической церкви.

время было для поэта исключительно плодотворным. Он пишет жизне-радостный цикл «одесских лирических стихотворений». Результатом его пребывания в Крыму стали знаменитые «Крымские сонеты», поразившие читателя великолепием пейзажных картин, проникновенным лиризмом, образом героя, тоскующего о покинутой родине. В 1828 году была опубликована поэма А. Мицкевича «Конрад Валленрод» о борьбе литовцев с тевтонской агрессией, изображавшая одинокого героя — борца, который жертвует личным счастьем ради спасения людей. Призывая свой народ к освобождению от гнета крестоносцев, герой поэмы Конрад восклицает:

О, если б я сумел их переплавить
Тем огненным пыланьем — ваши души!
О, если б смог в тех образах прославить
Сердцам собратьев этот день минувший!
О, хоть бы на единое мгновенье
Прислушались к единой песни кличу, —
Услышали б они сердцебиенье,
Представивши бывалое величье!
И этот миг единственный, столь редкий,
Прожили б жизнью той, что жили предки.

Перевод Н. Асеева

Эта поэма стала ярким событием в литературной жизни и оказала революционизирующее влияние на современников. Особенно важным для Мицкевича в России было его знакомство с Пушкиным. Впервые поэты встретились осенью 1826 года. Их отношения были проникнуты добросердечием и взаимным уважением. Мицкевич неоднократно давал высокую оценку творчеству своего русского собрата, в том числе и после своего отъезда из России (статья «Пушкин и литературное движение в России» 1837, парижские лекции). Поэты переводили произведения друг друга, упоминали друг друга в своем творчестве. Пушкиным были переведены баллады Мицкевича «Три Будрыса» («Будрыс и его сыновья») и «Дозор» («Воевода»), а также вступление к «Конраду Валленроду». Мицкевич перевел пушкинский сонет «Воспоминание».

В 1829 году Мицкевич выехал из России, посетил Германию, Швейцарию, Италию. После неудавшейся попытки присоединиться к Польскому восстанию 1830 года поэт навсегда остался в эмиграции (жил преимущественно в Париже), продолжая литературную и революционную деятельность. В 3-й части своей знаменитой поэмы «Дзяды» (1832 г.) Мицкевич призвал соотечественников «к всеобщей войне за вольность народов», выразил свою солидарность с передовыми людьми России против царского самодержавия:

Вы помните ль меня? Среди моих друзей,
Казненных, сосланных в снега пустынь угрюмых,
Сыны чужой земли! Вы также с давних дней
Гражданство обрели в моих заветных думах.

Перевод В. Левика

Последним примером политической активности Мицкевича была поездка в 1855 году, во время русско-турецкой войны, в Константинополь. Он намеревался организовать польский легион для борьбы с царизмом. Но в Константинополе поэт заболел холерой и умер 26 ноября 1855 года.

Поэзия Мицкевича имела огромное значение для польского национально-освободительного движения, для развития демократической мысли, обновления польской литературы; она обогатила литературный язык, стихосложение, поэтические жанры. Творчество Мицкевича оставило свой след в русской литературе и музыке. К нему впоследствии обращались Михаил Лермонтов, Аполлон Майков, Иван Бунин, композиторы Александр Алябьев, Михаил Глинка, Петр Чайковский, Николай Римский-Корсаков.

М. Горький назвал Мицкевича так же, как Пушкина и Шевченко, «радостным явлением» в истории славянской и мировой культуры. Он отметил, что каждый из этих поэтов — «...люди, воплощающие дух народа с наибольшей красотой, силой и полностью».

- ?** 1. Какое представление сложилось у вас об А. Мицкевиче как гражданине и поэте?
 2. Какие события и люди повлияли на творчество А. Мицкевича во время пребывания его в ссылке в России?
 3. Почему М. Горький, оценивая творчество А. Мицкевича, сравнил его с Т. Шевченко и М. Лермонтовым?

СВИТЯЗЬ

Баллада

Михалу Верещаку¹

Когда ты держишь в Новогрудок путь,
 Плужинским² проезжая бором,
 Над озером дай коням отдохнуть,
 Окинь его любовным взором.

Ты видишь Свитязь. Гладь воды ясна,
 Как лед, недвижна и блестяща,
 И вокруг нее, как черная стена,
 Стоит таинственная чаща.

Когда в ночи проходишь той тропой,
 Ты видишь небо в темных водах,
 И звезды — под тобой и над тобой,
 И две луны на синих сводах.

И не поймешь: вода ли в вышину
 Уходит зеркалом бездонным
 Иль опустилось небо в глубину
 И там блестит зеркальным лоном.

¹ *Михаил Верещак* — брат Марыли Верещак, возлюбленной Мицкевича.

² *Плужины* — усадьба Верещаков

Не знаешь, то вершина или дно
Во мраке берега пропали,
И кажется, с мирами заодно
Плывешь в неведомые дали.

Прозрачен воздух, ясен небосклон,
И тот обман отраден взору.
Но если ты не храбрецом рожден,
Не ездят тут в ночную пору.

Такого начудесит сатана,
Таких накрутит штук бесовских!
И вспомнить — страх! Всю ночь лежишь без сна,
Послушав былей стариковских!

То, словно люди в страхе гомонят,
Из бездны шум идет великий,
Валит столбами дым, гремит набат,
Оружья звон и женщин крики.

Вдруг дым пропал, стихает гром и звон,
И только смутно шепчут ели,
И, словно над покойником псалом,
В пучине жалостно запели.

Что это значит? Кто ж ответ вам даст?
На дне ведь люди не бывали.
Болтают всякое — кто что горазд,
А правда есть ли в том? Едва ли.

Плужинский пан, тот самый пан, чей дед
И прадед Свитязью владели,
И сам все думал и держал совет:
Как разобраться в этом деле?

С заказом в город он послал людей,
Большие сделал там закупки,
И мастерам уж невод в сто локтей
И строят парусные шлюпки.

Тут я сказал: «Бог да поможет вам,
Ему усердно помолитесь».
Пан дал на мессу, в Цирин¹ съездил сам,
И ксендз приехал с ним на Свитязь.

На берег вышел, свой надел орнат,
Все окропил и помолился.
Нам подал знак, гребцы взмахнули в лад —
И с шумом невод погрузился.

¹ Цирин — местечко в окрестностях Новогрудка

Уходит вглубь, и полавки за ним,
Как будто под водой и дна нет.
Канаты напряглись, мы все глядим;
Неужто ничего не тянет?

Но невод тяжело из воды идет,
Так тяжело, словно тащит глыбу.
Сказал бы, — да поверит ли народ, —
Какую выловили рыбу.

Не рыбу, нет, — болтать не стану зря, —
Из волн красавица явилась.
Уста — кораллы, щеки как заря.
Вода с кудрей льняных струилась.

На всех тут страх напал. Иной бежит,
Иной стоит белее мела.
Она под воду скрыться не спешит
И молвит ласково и смело:

«О юноши! То знает весь народ:
Никто в задоре безрассудном
Веслом не смел коснуться этих вод —
Он потонул бы вместе с судном.

Ты, дерзкий, также и твои челны
Истлели б скоро под волнами,
Но здесь твой дед и прадед рождены,
И ты единой крови с нами.

Так знай, хоть любопытство — ваш порок,
Но вы призвали божье имя,
И был об этом озере вам бог
Устами огласит моими.

Когда-то здесь, где тростники шуршат,
Где царь-травой¹ покрыты мели,
Кипела жизнь, стоял обширный град,
Строенья крепкие белели.

Красавиц много было в граде том,
Мужей, искусных в деле бранном.
И Свитязью владел тот княжий дом,
Что славен доблестным Туганом².

Кругом леса в ту пору не росли,
Желтела на полях пшеница,
И Новогрудок виден был вдали —
Литвы цветущая столица.

¹ «Цари» — народное название растения.

² Князь Туган — родовое имя Верещаков называлось Тугановичи.

Но русский царь войной пошел на нас,
И осадил он град Мендога¹.
И обуяла в этот грозный час
Литву великая тревога.

С гонцом письмо литовский государь
Шлет моему отцу Тугану:
«Ты выручал наш стольный град и встарь,
Спеши, ударь по вражью стану!»

Туган прочел — и приказал скликать
Мужей для воинской потехи.
И собралось охочих тысяч пять,
При каждом — конь и все доспехи.

Труба гремит — и пыль столбом взвилась:
То скачет рать за княжьим стягом.
Но вижу, вдруг остановился князь
И в замок воротился шагом.

Он говорит: «Могу ль губить своих,
Чтоб князю дать помощь в брани?
У Свитязи ведь нет валков иных,
Как только крепость нашей длани.

Но если в битву мы не все пойдем —
Друзьям не будет обороны.
А все пойдем — как защитит свой дом,
Где наши дочери и жены?»

И я в ответ: «Отец! Послушай дочь:
Ступай! Над нами власть господня.
Мне снилось, ангел огненный всю ночь
Летал над городом сегодня.

Мечом он Свитязь очертил твою,
Златыми осенил крылами
И мне сказал: «Пока отцы в бою,
Не бойтесь, чада, — я над вами».

И внял Туган, — за войском он спешит.
Но вот уже и ночь настала.
И вдруг раздался грохот, стук копыт,
И крик «ура», и звон металла.

Таранами по стенам замка бьют,
Стреляют ядрами по сводам.
И дети, старцы, женщины бегут —
Весь двор заполнился народом.

¹ Мендог (Миндовг) — первый исторически засвидетельствованный князь Литвы.

Кричат: «Скорей ворота на запор!
Спасите! Русь валит за нами!
Пусть лучше смерть, но только не позор!
Убьем, убьем друг друга сами!»

И яростью сменяется их страх, —
Приносят факелы, солому,
Сокровища сжигают на кострах,
Огнем грозят гнезду родному.

«Кто убежит — будь проклят!» Я — во двор.
Унять хочу их — не умею.
Благодарят поднявшего топор,
Торопятся подставить шею.

Но что преступней: жизнь и честь губя,
Отдаться под ярем кровавый
Иль душу погубить, убив себя?
И я вскричала: «Боже правый!»

Ты видишь, нам не совладать с врагом,
К тебе взываем, погибая:
Пусть лучше нас убьет небесный гром,
Укроет мать-земля сырая!»

И белизна внезапно разлилась,
Закрыла мир, как покрывало.
Я опустила очи, изумясь...
И подо мной земли не стало.

Взгляни на луг прибрежный: это бог
Избавил слабых от расправы:
Он дев и жен безгрешных уберег,
Их обратил в цветы и травы.

Подобно белым бабочкам, цветы
Парят над спящею водою.
Напоминают свежестью листвы
Зеленую под снегом хвою.

Так белый цвет безгрешности своей
Они хранят в веках нетленным.
Не оскорбит их пришлый лиходей
Прикосновением презренным.

То был царю и всем врагам урок:
Победу празднуя над нами,
Иной из них хотел сплести венок,
Иной — украсить шлем цветами.

Но лишь к цветам притронулись они,
Свершилось чудо правой мести:

В недуге страшном скорчились одни,
 Других застигла смерть на месте.
 Хоть все уносит времени поток,
 Но был народ не забывает:
 Поет о чуде, и простой цветок
 Он царь-травою называет».

Так молвит нам — и прочь плывет она.
 И тонут сети, шлюпки тонут.
 Летит на берег с грохотом волна,
 Деревья в пуще дико стонут.

Как бездна, хлябь разверзлась перед ней,
 Она исчезла в темном чреве,
 И с той поры никто до наших дней
 Не слышал о прекрасной деве.

Перевод В. Левика

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

1. Чем взволновала вас легендарная история, изложенная в балладе А. Мицкевича «Свитязь»? Что в наибольшей мере подействовало на ваше воображение?
2. Балладу «Свитязь» А. Мицкевич написал в возрасте 22-х лет. К какой, важной для себя теме, поэт обращается в этой балладе?

● Углубимся в текст баллады

3. Озеро Свитязь расположено неподалеку от Новогрудка (ныне Белоруссия) — родины А. Мицкевича. Какие собственные чувства передает поэт, описывая родные места в самом начале баллады?
4. В чем проявляется присутствие таинственности в изложении баллады? Как этому способствуют описания ночного неба и озера Свитязь?
5. Как переплетается в балладе реальное и сказочное, фантастическое? Прочитайте выразительно строфы, повествующие о появлении красавицы из вод озера.
6. Как показывает поэт героическое поведение защитников города? Какие мысли и чувства вызывает у вас быть, рассказанная красавицей?
7. Финал баллады «Свитязь» трагичен — погибают все защитники древнего города. Но как сохраняет память о непокоренных героях сама природа? Прочитайте выразительно строфы баллады, описывающие удивительное превращение подвига людей в вечную красоту земли.
8. Как показывает поэт свершившееся возмездие над врагами? О чем, недопустимом в мире, он предупреждает в своей балладе «Свитязь»?

Для самостоятельной работы

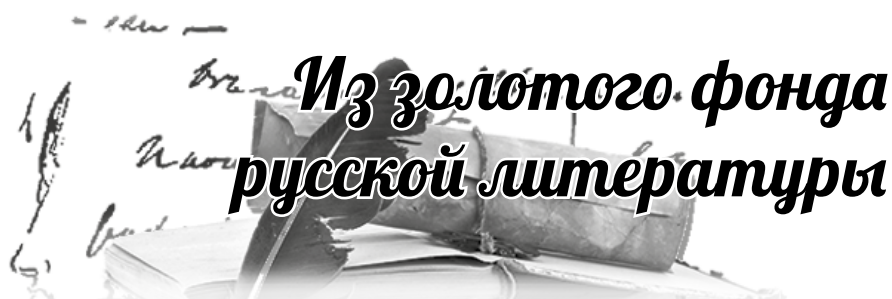
9. Подготовьте выразительное чтение понравившихся отрывков из баллады.
10. Ответьте на вопрос в развернутой форме: художественные особенности баллады «Свитязь».

Для будущих филологов

Подготовьте комментарий одной из баллад А. Мицкевича в переводе А. Пушкина («Воевода» или «Будрыс и его сыновья»).

Разнообразие жанров

«Сердце русского писателя было колоколом любви, и вещей и могучий звон его слышали все живые сердца страны», — так сказал о русских писателях XIX века А. М. Горький.

Начало XIX века в русской литературе отмечено блистательными именами Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова и других ярких представителей того времени.

Басни И. А. Крылова знала вся Россия, а автор их по праву пользовался всенародной любовью и славой. По словам А. С. Пушкина, Крылов сумел понять и выразить отличительную черту русского национального характера: «...какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Когда в России стали появляться произведения молодого гения Александра Пушкина, их читали все, владеющие грамотой. Стихи поэта переписывали, заучивали наизусть, перелагали на музыку, пели как романсы и народные песни. «Он понял русский народ и постиг его назначение в такой глубине и в такой обширности, как никогда и никто, — скажет позднее о Пушкине русский писатель Ф. М. Достоевский.

Сам Пушкин глубоко верил в высокое назначение своей поэзии. Незадолго до смерти в стихотворении «Памятник он писал:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.»

С необычайным интересом и восторгом воспринимались также произведения младших современников Пушкина — М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя. «Гоголь — истинный ведатель сердца человеческого», — говорил Т. Г. Шевченко. Выдающиеся украинские драматурги М. П. Старицкий и М. Л. Кропивницкий переработали произведения Гоголя, связанные с Украиной, для сцены («Утоплена», «Вій», «Тарас Бульба», «Сорочинський ярмарок»).

Во второй половине XIX века создавали свои бессмертные произведения И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов и другие поэты и писатели. Их произведения разных жанров — стихотворения, поэмы, рассказы, повести, романы, пьесы — учили любить и уважать человека, понимать природу, сочувствовать обездоленным и угнетенным, призывали к добру и справедливости, протестовали против насилия и рабства.

О значении и популярности русской литературы для украинских читателей И. Я. Франко сказал: «Если произведения литератур европейских нам нравились, волновали...нашу фантазию, то произведения русских писателей мучили нас, пробуждали нашу совесть, пробуждали в нас человека, пробуждали любовь к бедным и обиженным».

— Давайте побеседуем —

1. Почему басни И. А. Крылова и поэзия А. С. Пушкина имели такую большую популярность у своих современников? Как воспринимаются их произведения сегодня?
2. Кто из персонажей произведений И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя вам особенно запомнился и почему?
3. Назовите жанры литературных произведений, которые вам знакомы и те, о которых упоминается в статье.
4. Вдумайтесь в высказывания Т. Г. Шевченко и И. Я. Франко о русских писателях, приведенные в статье. Какое значение для этих украинских поэтов имело обращение к русской литературе?

Александр Сергеевич ПУШКИН

(1799-1837)

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я мирой пробуждал*

А. С. Пушкин

Жизнь Александра Пушкина всегда поражает ранним возмужанием его гения. Создаётся впечатление, будто он сразу родился поэтом, что он, как Афина, античная богиня мудрости, явился миру во всем блеске своего поэтического вооружения. Это, конечно, преувеличение. У Пушкина был и период ученичества, только у него он необычайно сжат во времени; Пушкин, по свидетельству его брата Льва, уже на восьмом году жизни «сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей».

В Лицее, куда двенадцатилетний Пушкин поступил учиться, с самого первого курса чуть ли не все были увлечены поэзией. Лицейисты выпускали свои рукописные журналы с карикатурами, эпиграммами, рассказами, стихами. Составлялись лицейские антологии (сборники стихотворений). Товарищ Пушкина по Лицею С. Д. Комовский вспоминал, что Пушкина не только в часы отдыха, но и в классах и даже во время молитвы можно было видеть сочиняющим стихи: «... тогда лицо его то омрачалось, то прояснялось, смотря по роду дум, кои занимали его в минуты вдохновения... от нетерпения он грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надув губы, с огненным взглядом читал про себя написанное».

Период пребывания Пушкина в Лицее совершенно исключительный по тем событиям, которые происходили в России и во всей Европе. Ближайший друг Пушкина Иван Пущин писал об этом времени: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве». Имя Наполеона Бонапарта, у ног которого лежала уже вся Европа, стало звучать зловеще и устрашающе.

Летом 1812 года война пришла в Россию. Через Царское Село, где был Лицей, непрерывным потоком двигались полки. Пушкин писал об этой поре:

Вы помните: текла за ратью рать,
 Со старшими мы братьями прощались
 И в сень наук с досадой возвращались,
 Завидуя тому, кто умирать
 Шёл мимо нас...

Летом 1814 года на родину стали возвращаться войска, дошедшие до Парижа и отстоявшие в жестоких боях свою Отчизну. Один из полков — лейб-гусарский¹ — был расквартирован в Царском Селе. Пушкин познакомился с офицерами этого полка, участвовал в гусарских собраниях и вечеринках, на которых царил дух вольнодумства. Два офицера — Пётр Каверин и Пётр Чаадаев — стали на долгие годы его близкими друзьями.

С вольнолюбивой столичной молодёжью был связан профессор политических наук Лицея А. П. Куницын. Читая лекции своим воспитанникам, он смело осуждал крепостничество как противоестественное право. «Никто не может лишать другого права личности, даже с его собственного на то согласия», — провозглашал Куницын.

В Лицее не только определился поэтический дар Пушкина, но и началась его подлинная слава поэта. В 1815 году в присутствии Г. Р. Державина он прочитал своё стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», и старый поэт был взволнован и восхищён. В этом же году Пушкин напечатал стихотворное послание своему любимому поэту К. Н. Батюшкову. Поэт-воин высоко оценил блистательные стихи и приехал в Лицей, чтобы познакомиться с начинающим талантом. Поэт В. А. Жуковский, бывший в то время в зените своей литературной известности, писал П. А. Вяземскому о своём впечатлении от встречи с юным Пушкиным: «Я сделал ещё приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности...»

В марте 1816 года в Лицее побывал Николай Михайлович Карамзин. Строгий и всеми уважаемый авторитет в литературных делах, он сказал Пушкину: «Пари, как орёл, но не останавливайся в полёте».

9 июня 1817 года состоялся выпуск лицеистов первого приёма. В стихотворении «Товарищам» Пушкин размышлял о возможном будущем:

Разлука ждёт нас у порогу,
 Зовёт нас дальний света шум,
 И каждый смотрит на дорогу
 С волненьем гордых, юных дум...

После окончания Лицея Пушкин был определён на службу в Коллегию иностранных дел. С этого момента начинается новый, важный период в жизни поэта. Он много писал, увлекался театром, интересовался политикой, искал знакомства с литераторами, с «оригинальными умами»,

¹ Лейб-гусарский — полк, состоящий при царе.

проводил ночи в беседах и спорах с многочисленными друзьями. Вдохновлённый идеями о свободе человека, Пушкин сочиняет вольнолюбивые стихотворения, становится выразителем дум и надежд передовых людей России. В оде «Вольность» поэт прославляет свободу. В послании «К Чаадаеву» он обращается со страстным призывом к своему поколению:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Весной 1820 года над Пушкиным разразилась гроза: Александр I за оду «Вольность» и политические эпиграммы хотел сослать поэта в Сибирь. За Пушкина вступились друзья. Благодаря вмешательству Н. М. Карамзина удалось изменить место ссылки: Пушкина отправили не в Сибирь, а на юг, в Екатеринослав (сейчас Днепропетровск) для прохождения службы в канцелярии генерала Инзова. 6 мая 1820 года Пушкин уехал из Петербурга. За пять лет до восстания декабристов он первым поплатился за своё свободомыслие.

По Г. Волкову и Г. Макогоненко

- ?** 1. Как проявился поэтический дар Пушкина? Что этому способствовало? (В своих ответах привлечите и те знания, которые вы приобрели в предыдущих классах.)
2. Какие события и люди оказали влияние на формирование политических взглядов Пушкина?

Для будущих филологов

Чем, по вашему мнению, замечательны жизнь и творчество юного Пушкина? Подготовьте сообщение на тему: «Пушкин в Лицее (по воспоминаниям лицейских друзей и преподавателей)».

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать

Вопросы и задания

1. Стихотворение «Узник» Пушкин написал в Кишинёве, в ссылке. Из окна своей комнаты, которое выходило во двор, поэт каждый день видел прикованного цепью орла. Почему Пушкин использовал образ орла-невольника?
2. Почему поэт очеловечивает орла? Какие эпитеты и метафоры использует он для этого?
3. Какими мыслями и чувствами проникнуто стихотворение «Узник»? Передайте своё настроение во время выразительного чтения.
4. Почему стихотворение Пушкина «Узник» стало любимой народной песней?
5. Стихотворение «Птичка», как и стихотворение «Узник», Пушкин написал во время южной ссылки. Как в этом стихотворении поэт выразил свое стремление к свободе?

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвёл? когда? какой весною?
И долго ль цвёл? и сорван кем?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло;
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

Вопросы и задания

1. Заложенный в книгу, засохший, лишённый запаха («безуханный») цветок пробудил в душе поэта целую волну чувств, образов, вызвал глубокие раздумья. Передались ли они вам? С каким чувством вы читали стихотворение «Цветок»?
2. Почему так проникновенно и душевно звучит стихотворение «Цветок»?
3. Какой мудрый совет даёт нам поэт в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...»? Какое настроение оно вызывает у вас?
4. Как вы объясните смысл строк: «Сердце в будущем живёт» и «Что пройдёт, то будет мило»?
5. Каким человеком предстаёт перед нами Александр Пушкин в своих стихотворениях «Цветок» и «Если жизнь тебя обманет...»?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О лирике

Каждый человек на всю жизнь сохраняет в своей памяти хотя бы одно-два лирических стихотворения, полюбившихся ему ещё в школьные годы. Слово «лирика» произошло от греческого *lyra* — музыкальный инструмент, под аккомпанемент которого исполнялись стихи, песни и т. п.

Лирика (наряду с эпосом и драмой) является одним из трёх родов литературы. В лирике находят выражение самые глубокие и душевные переживания поэта. О чём бы он ни писал, на всём лежит отпечаток его собственной, индивидуальной оценки и личных представлений о человеке, обществе, о мире в целом. Поэтому в центре лирического произведения всегда находится сам его создатель и, прежде всего, — его **внутренний мир**. Обо всём этом вы уже достаточно хорошо знаете.

С замечательными лирическими стихотворениями Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Ивана Бунина, Сергея Есенина и других поэтов вы знакомились в пятом и шестом классах, делились своими впечатлениями о них, учили их наизусть.

Лирический взгляд на мир воплощается по преимуществу в стихотворных формах, но иногда и в прозе.

Лирику принято разделять на тематические группы: гражданская, философская, пейзажная, любовная лирика. Наиболее знакома вам пей-

ажная лирика, в которой внутреннее состояние поэта раскрывается через изображение природы.

А к какой тематической группе принадлежат лирические стихотворения Пушкина «Цветок» и «Если жизнь тебя обманет...»? Случайное впечатление (стихотворение «Цветок») рождает в душе поэта догадки, предположения, размышления о целой жизни — от нежного свидания или роковой разлуки до смерти, подобной увяданию цветка. Стихотворение «Если жизнь тебя обманет...» призывает мужественно и мудро относиться к жизни, к её горестям и трудностям. «Сердце в будущем живёт», — говорит поэт, утверждая тем самым оптимистичное¹ отношение ко всему, что происходит в человеческой жизни. Следовательно, оба эти стихотворения могут быть отнесены к философской² лирике, так как в них содержатся глубокие раздумья о самом главном для человека — о счастье, о любви, о жизни и смерти.

Какие стихотворения относятся к любовной лирике, нетрудно определить, особенно если это такие прекрасные пушкинские строки:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

В лирике Пушкина выделяют еще вольнолюбивую лирику, выражающую устремления поэта к свободе, воле, простору в самом широком смысле этих слов (стихотворения «Узник», «Птичка» и др.).

А теперь вернёмся к началу нашего разговора и попробуем понять, почему многие люди помнят лирические стихотворения и на протяжении всей жизни обращаются к ним. Дело в том, что лирическое произведение обладает способностью вмещать общечеловеческий смысл. И, несмотря на то, что оно передаёт переживания автора, каждый читатель может «узнать» в них собственные мысли и чувства.

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Назовите главное, отличительное свойство лирики.
2. На какие тематические группы подразделяют лирическую поэзию?
3. Есть ли у вас любимые лирические стихотворения? Какие из них вы знаете наизусть?

Из истории создания

«Повестей Ивана Петровича Белкина»

В 1831 году А. С. Пушкин опубликовал «Повести Белкина» («Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка»). Повести были приписаны Пушкиным Ивану Петровичу Белкину, о чём говорилось в предисловии «От издателя». Этим самым

¹ *Оптимистичный* — полный оптимизма, бодрого и радостного отношения ко всему, что происходит в жизни.

² *Философский* — глубокомысленный, серьёзный, содержащий раздумья о важнейших вопросах жизни.

Пушкин сразу давал читателям ключ для понимания своих повестей. Объявив И. П. Белкина их автором, он уточнил затем свою мысль: Белкин не «выдумывал», а только записывал некоторые истории, или, как он выражался, «анекдоты», от нескольких рассказчиков. Читатели — современники Пушкина — понимали, что истинным сочинителем повестей был Александр Пушкин, шутливо скрывавшийся за именем «издателя А. П.». Пушкин как бы заставил Белкина записать не случайные рассказы своих знакомых, но те, которые были обдуманно отобраны. Они должны были помочь Пушкину поставить перед читателями волновавшие многих вопросы: чем объясняются поступки человека, его нравственные убеждения и что в большей степени определяет его жизнь и судьбу?

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.
Князь Вяземский

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранился? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим¹ или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, ограждённый своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днём, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принуждён он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздражённого постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдаёт ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик! — и фельдъегерь² бросает ему на стол свою дорожную!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Ещё несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я всю Россию по всем направле-

¹ Подьячий — помощник дьяка, канцелярист.

² Фельдъегерь — военный или правительственный курьер.

ниям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого зрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных зрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонны к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казённой надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нём-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего зрители со мной не церемонились, и часто брал я с бою то, что, во мнении моём, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай* — ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! И слуги с кого бы начинали кушанья подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трёх верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию первая забота была поскорее переодеться, вторая — спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал зритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При этих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я зрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия, — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою подорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына. В первой почтенный старик в колпаке и шляпорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окружённый ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее промотавшийся юноша, в рубище

и треугольной шляпе, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафровке выбегает к нему навстречу; блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочёл я приличные немецкие стихи.

Всё это доньше сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином, и кровать с пёстрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведённое ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне без всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу её стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения её поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев, «с тех пор как этим занимаюсь», но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу её снова. Но, подумал я, старый смотритель, может быть, уже сменён; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моём, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался переписать он мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно не бритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его. — Мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо, — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебивало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог её знает», — отвечал он. «Так, видно, она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса, и продолжал шёпотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и

велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула. «Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал её? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили её, та платочком, та серёжками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать аль отужинать, а в самом деле только чтоб на неё подолее поглядеть. Бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житьё? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать».

Тут он стал подробно рассказывать мне своё горе. Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда зритель разлинёвывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошёл в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сём известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таковым сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное своё действие. Гнев проезжего прошёл; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпугав шаль и сдёрнув шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с чёрными усами. Он расположился у зрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и зритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвращаясь, нашёл он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! зритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С*** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьём у его кровати. Больной при зрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и, охая, заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал

лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки и по-русски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольными друг другом.

Прошёл ещё день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дуней, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обеду. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дуней и вызвался довести её до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец. — Ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали. Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошёл сам к обеду. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошёл в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились ещё в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошёл домой ни жив ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветренности молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила её крёстная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил её. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

В. Милашевский.
Станционный смотритель.
1971 г.

Каким настроением проникнута эта иллюстрация к повести «Станционный смотритель»?

Старик не снёс своего несчастья; он тут же слёг в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкою; его свезли в С*** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда ещё догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностью, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправаясь от болезни, смотритель выпросил у С*** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своём намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вёз его, сказывал, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось, — думал смотритель, — приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку¹, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живёт в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться. Рано утром пришёл он в его переднюю и просил доложить его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидеться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушёл и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слёзы навернулись на глазах, и он дрожащим голосом произнёс только: «Ваше высокоблагородие! Сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повёл в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик. — Что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж её понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве, — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе её? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава свёрток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублевых смятых ассигнаций. Слёзы опять навернулись на глазах его, слёзы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошёл... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый

¹ Район в Петербурге, где были расположены казармы Измайловского полка.

молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошёл!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть ещё раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошёл.

В этот самый день, вечером, шёл он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трёхэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотрителя. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у неё». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я своё дело сделаю». И с этим словом пошёл он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка, — зачем тебе её надобно?»

Смотритель, не отвечая, вошёл в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шёл далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошёл к растворённой двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковёр. Испуганный Минский кинулся её подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошёл к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы. — Что ты за мною всюду крадёшься, как разбойник? Или хочешь меня зарезать? Пошёл вон!» — и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришёл к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить. Через два дни отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Живали, нет ли, Бог её ведаёт. Всяко случается. Не её первую, не её послед-

нюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого смотрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева¹. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули моё сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого смотрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно ещё, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моём приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо; холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и жёлтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый смотритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль своей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей,

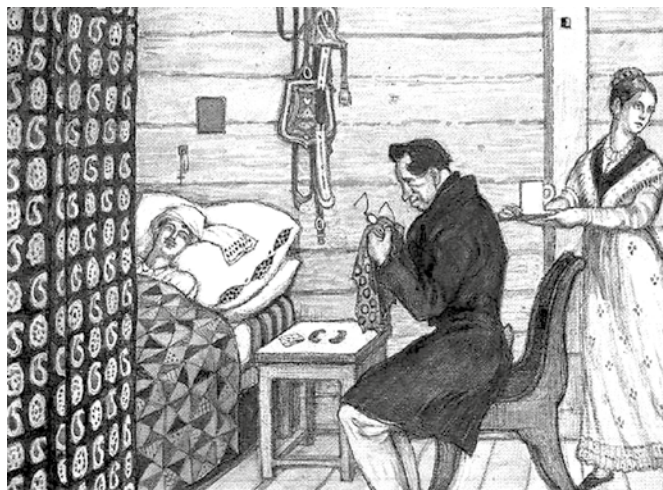
Н. Компанец.

Иллюстрация к повести. 1971 г.

Как передаёт художник внутреннее состояние отца после встречи с дочерью?

¹ Стихотворение И. Дмитриева «Карикатура»

М. Довбужинский.
Иллюстрация к повести.
1905 г.

К какому эпизоду повести возвращает вас иллюстрация художника? Что в ней полностью соответствует пушкинскому тексту?

подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителеву могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повёл меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идёт из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка! дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернёт, да тому не до мёртвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка, — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести её. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на груды песка, в которую врыт был чёрный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька, — я смотрел на неё издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятачок и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

1. Чем заинтересовала вас тема повести Александра Пушкина «Станционный смотритель»? Какие чувства и мысли пробуждает она у современного читателя?
2. Какие вопросы вы предложили бы для обсуждения повести «Станционный смотритель» в классе?
3. Какие отрывки повести вы хотели бы проиллюстрировать и почему?

● Углубимся в текст повести

4. Как описывает Пушкин радости и горести Самсона Вырина? Какое значение при этом имеют портретные зарисовки и описание внутренней обстановки постоянного двора?
5. Дуня в повести дана через восприятие рассказчика, отца и деревенского мальчика. Какой же предстаёт она в повести перед читателями?
6. Испытывала ли Дуня душевную борьбу? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
7. Почему Дуня не исполнила свой дочерний долг? Как вы относитесь к её поступку?
8. Одной из заслуг Пушкина в литературе того времени было его обращение к «маленькому человеку», то есть к простому человеку из народа. Как же показал Пушкин судьбу станционного смотрителя Самсона Вырина? Как выразил своё отношение к нему?
9. Как относится рассказчик к тем, о ком он повествует? Кому он больше сочувствует?
10. Почему произведение Пушкина «Станционный смотритель» относится к жанру повести?

Для самостоятельной работы

11. Подготовьте выразительное чтение отрывка, в котором описывается нарастание тревоги отца, ожидающего дочь из церкви.
12. В 1822 году Пушкин выделил главную особенность прозы: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». Как осуществил Пушкин сформулированное им самим требование к прозе в своей повести «Станционный смотритель»? Как, например, рассказывает он о событиях, рисует портреты героев, детали быта?
13. Повесть «Станционный смотритель» входит в сборник, изданный Александром Пушкиным под названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Прочитайте другие повести, вошедшие в этот сборник.

Для дискуссии

Примите участие в обсуждении проблемного вопроса: кто виноват в трагической судьбе Самсона Вырина?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О композиции художественного произведения

Как вы уже знаете, художественное произведение, кроме содержания, имеет еще и своё построение — **композицию** (от лат. *compositio* — составление, соединение).

Говоря о значении композиции, Лев Толстой отмечал, что часто в произведении искусства «нельзя вынуть один стих, одну сцену, одну фигуру, один такт из своего места и поставить в другое, не нарушив значение всего произведения».

Посмотрим, как же связано построение (то есть композиция) повести Пушкина «Станционный смотритель» с её сюжетом. С интересом воспринимаем мы её завязку: первая встреча рассказчика со станционным смотрителем и его дочерью на постоялом дворе. Эмоционально сильно действует на нас кульминация повести: потрясённый и оскорблённый отец топчет ногами омерзительные для него деньги. С пронзительной грустью читаем мы развязку повести: запоздалое раскаяние дочери, лежащей на могиле отца. С пристальным вниманием следим мы за развитием событий, невольным свидетелем которых стал рассказчик. Его образ является связующим звеном композиции; с его позиции также даётся оценка героев и всего происходящего. Вспомним, например, какими он увидел смотрителя и его дочь Дуню в первую встречу: «...вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота её меня поразила»; «Видю, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зелёный сертук с тремя медалями на полинялых лентах». А затем, спустя несколько лет, он едва узнал своего старого знакомого: «Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирался переписать он мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно не бритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика». Интерес самого рассказчика к событиям с каждым его пребыванием на знакомой почтовой станции усиливается. В третий раз он намеренно едет в село Н., чтобы узнать о судьбе станционного смотрителя и его дочери. Как видим, отсутствие образа рассказчика в этой повести невозможно. Иначе это было бы уже совсем другое произведение.

Таким образом, композиция не только соединяет части произведения, но и углубляет смысл изображённого в нём, делает его особенно увлекательным, волнующим и запоминающимся для читателей.

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Какова роль композиции в художественном произведении?
2. Прокомментируйте (то есть объясните) высказывание Льва Толстого о значении композиции.
3. Сопоставьте два эпизода из повести Пушкина «Станционный смотритель»: первый, когда рассказчик рассматривает на постоялом дворе лубочные картинки о судьбе блудного сына, и второй, когда отец, вспоминая случившееся с дочерью, говорит: «Авось, приведу я домой заблудшую овечку мою». Как вы считаете, есть ли что-то общее между этими эпизодами, то есть связаны ли они между собой композиционно?

МЕТЕЛЬ

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокой.

.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский В. А.

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своём поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестой, и многие прочили её за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следовательно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нём и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке, и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без неё? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял её предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна

была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка её была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять вёрст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бельё и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, её подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтёт она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших её родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно её пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец её останавливал её, с мучительной быстротою тащил её по снегу и бросал в тёмное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил её пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим.

Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головою болью. Отец и мать заметили её беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали её сердце. Она старалась их успокоить, казаться весёлою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла её сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, её окружавшими.

Подали ужинать; сердце её сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они её поцеловали и, по обыкновению, благословили; она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка уговаривала её успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь...

На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием.

Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела тёплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихала; ветер дул навстречу, как будто сиясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и её девушке

усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терёшки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насили с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит, в усах и шпорах, и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготавливаться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надёжного Терёшку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту доро-

А. Ванециан

Иллюстрация к повести. 1947 г.

Как отражает эта иллюстрация главное событие повести «Метель»?

гу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землёю. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал ещё до Жадриной рощи. Прошло ещё около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересечённым глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать — и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашёл он дорогу и въехал во мрак деревьев, обнажённых зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слёзы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясная. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырёх или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избытки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; вёрст десяток будет». При сём ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговорённый к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик, — сказал он, — достать мне лошадей до Жадрина?» — «Каки у нас лошади», — отвечал мужик.

«Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой, — сказал старик, опуская ставень, — я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиной и пошёл вперёд, то указывая, то отыскивая дорогу, занесённую снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассветет», — отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шляфореке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково её здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придёт в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька», — отвечала Маша. «Ты, верно, Маша вчера угорела», — сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька», — отвечала Маша.

День прошёл благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашёл больную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; её горничная никому ни о чём не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терёшка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж её слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходявшая от её постели, могла понять из них только то, что дочь её была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною её болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конём не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приёмом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка её не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствий.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя её наследницей всего имения. Но наследство не утешало её; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петровны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала её выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священною для Маши; по крайней мере, она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для неё. Соседи, узнав обо всём, дивились её постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемиды¹.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоёванные песни: *Vive Henri-Quarte*², тирольские вальсы и арии из *Жюконда*³. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмешивая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество! Как сладки были слёзы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали.⁴

¹ *Артемиды (Артемизы)* — древнегреческая богиня.

² Да здравствует Генрих IV (франц.)

³ *«Жюконд, или Искатель приключений»* — комическая опера Н. Изоара.

⁴ Из комедии А. Грибоедова *«Горе от ума»*.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был ещё сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на её холодность, Марья Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в её замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с интересной бледностью, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нём обыкновенная задумчивость её оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя её поведение, сказал бы;

*Se amor non é che dungue?*¹..

Бурмин был в самом деле очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался права тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало её любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностью, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и ещё не слыхала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовью, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для неё загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствам, даже нежностью. Она приуговаривала развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Её военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и чёрные глаза его с таким огнём останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе

¹ Если это не любовь, так что же?.. (итал.)

как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь её наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошёл в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду, — отвечала старушка, — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошёл, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашёл Марью Гавриловну у пруда, под ивою с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только незапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux¹.) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне ещё остаётся исполнить тяжёлую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, — прервала с живостию Марья Гавриловна, — я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, — отвечал он ей тихо, — знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать моё счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвёртый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна, — как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел,

¹ Сен-Прё (франц.) — герой романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза».

приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонёк и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — кричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в церковь, слабо освещённую двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви; другая тёрла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошёл ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле неё перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Почелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в битку и кричал: «Пошёл!»

— Более мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями

1. Чем захватило вас чтение повести Александра Пушкина «Метель»? Какое отношение к себе вызвали её герои?
2. Какое мнение сложилось у вас о Марье Гавриловне, Владимире Бурмине?
3. К каким эпизодам повести вам хотелось бы вернуться и ещё раз перечитать их?

● *Углубимся в текст повести*

4. Если бы вы захотели поделиться своими впечатлениями об этой повести с кем-нибудь и попробовали кратко пересказать её содержание, то какие моменты вы отнесли бы к наиболее важным?
5. Задумайтесь над тем, почему от начала и до конца повести интерес читателя всё время возрастает. Как этому способствует развитие сюжета?
6. Можно утверждать, что сюжет повести построен на интриге, так как описываемые события не только осложняются, но и запутываются. Объясните, как это показано в повести.
7. Почему на приглашение родителей Марьи Гавриловны Владимир ответил «полусумасшедшим письмом»? Каким образом автор даёт понять, что Владимир потрясён тем известием, которое «ожидало его» в Жадрине?
8. Какой момент в повести самый напряжённый, то есть кульминационный? Аргументируйте свой ответ.
9. Какое значение в повести имеет описание метели? Прокомментируйте этот отрывок.
10. Эпиграф, как вам известно, отражает основную мысль произведения, к которому он относится. Как вы думаете, почему к своей повести «Метель» Александр Пушкин взял эпиграфом строки из баллады Василия Жуковского «Светлана»?

Для самостоятельной работы

11. Подготовьте близкий к тексту пересказ описания метели в повести.
12. Ответьте на вопрос в развёрнутой форме: какую композиционную роль играет описание метели?

Для будущих филологов

Лев Николаевич Толстой писал, что «Повести Белкина» являются для писателя-прозаика «исключительно ценной школой художественного мастерства». Чему можно учиться молодым писателям на примере повести Пушкина «Метель»?

Для дискуссии

Во время признания Бурмин говорит, что после венчания с незнакомой девушкой он сразу не осознал преступности своей проказы. Как вы думаете, чем можно объяснить такое поведение героя?

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(1814-1841)

*Лермонтов — то явление поэзии,
которое принято называть чудом...
Он страстно любил Россию, но он не мог
не видеть кровоточащие язвы «страны
рабов, страны господ».*

С. Наровчатов

Шёл 1814 год. Русские войска, одержавшие победу над Наполеоном, возвращались из-за границы и вступали в опалённую пожаром Москву. В то самое время, когда Москва, ликуя, встречала победителей, в маленьком домике у Красных ворот, в ночь на 15 октября (по старому стилю — 3 октября) 1814 года в семье отставного капитана Юрия Лермонтова родился сын Михаил. Невесёлым было детство этого мальчика. Смутно помнил он ласковые руки и слабый голос матери, напевавшей ему грустную песню. Мать умерла, когда ему не исполнилось и трёх лет... Отца Лермонтов видел редко: бабушка не любила его и заставила уступить ей право воспитывать мальчика.

Самые первые, а потому и самые прочные впечатления — это скромный прелестный пейзаж Пензенской губернии, первые воспоминания — русские песни, народные игры и хороводы, неторопливые рассказы об Иване Грозном, о Разине и Пугачёве.

Вокруг дома — аллеи старинного сада, спящий пруд, затянутый сетью трав, а напротив усадьбы — дымные, в два ряда, чёрные избы и белая церковь села Тарханы.

В детстве Лермонтов часто болел. И бабушка три раза возила его на Кавказ. Ездили на своих лошадях, через всю Россию. Кавказ с детских лет вошёл в сознание Лермонтова как край свободы, благородных, возвышенных страстей...

Детство кончилось. Лермонтов поселился с бабушкой в Москве и поступил в университетский Благородный пансион. Это был уже 14-летний подросток, серьёзный, хорошо подготовленный домашними учителями. Незадолго до Лермонтова пансион этот окончили многие участники декабрьского восстания 1825 года. В пансионе царил дух свободомыслия: по рукам тайно ходили запретные стихи Рыльева¹, Пушкина... Из пансиона Лермонтов перешёл в Московский университет. В его тетрадях появляются стихи «Нищий», «Парус», «Два великана».

¹ *Рылеев К.Ф.* (1795-1826) — русский поэт-декабрист, один из пяти казнённых руководителей декабрьского восстания 1825 года.

Природа одарила Лермонтова разнообразными талантами. Он обладал редкой музыкальностью — виртуозно играл на скрипке, на рояле, пел арии из своих любимых опер, даже сочинял музыку: есть сведения, что он положил на музыку свою «Казачью колыбельную песню». Он рисовал и писал картины маслом, легко решал сложные математические задачи. Он был великолепно образован, начитан, слыл сильным шахматистом, владел несколькими иностранными языками. Всё давалось ему легко. И всё же свой гениальный поэтический дар он совершенствовал упорным трудом.

В конце второго года обучения из-за участия в студенческом бунте Лермонтову пришлось покинуть университет. Исключённым закрывался путь в другие университеты России. И тогда он поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге. «До сих пор, — с горечью писал он друзьям в Москву, — я жил для литературной славы, столько жертв принёс своему неблагодарному кумиру и вот теперь я — воин!» Но даже там, в стенах юнкерской школы, он продолжал свои занятия литературой. По окончании школы Лермонтов вышел офицером в гвардейский гусарский полк, квартировавший в Царском Селе под Петербургом, и окунулся в полковую и великосветскую жизнь.

28 января 1837 года по Петербургу разнёсся слух, что Пушкин накануне стрелялся на дуэли с Дантесом и ранен смертельно. На другой день стало известно, что Пушкин умер. И в эти самые дни по Петербургу распространилось в рукописи стихотворение «Смерть Поэта», под которым стояло в ту пору мало кому известное имя: Лермонтов. Это был голос молодого поэта, которому суждено было стать преемником Пушкина в осиротевшей русской литературе... Так началась всенародная слава Лермонтова.

Жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова обрывается также трагически: 15 (27) июля 1841 года он погиб на дуэли.

С детских лет отзывается в наших сердцах благородный голос Лермонтова, пробуждающий отвагу, утверждающий чувства долга и чести. Читаем ли мы «Бородино» или «Мцыри», «Песню про царя Ивана Васильевича...» или «Родину», мы жадно внимаем его словам, чтобы запомнить, как сформулировал он самое высшее и самое благородное проявление любви — любовь к Отчизне.

По И. Андроникову

- ?** 1. Каким было раннее детство Лермонтова?
2. Что из событий последующей жизни стало поворотным моментом в судьбе поэта?
3. Какие стихотворения Лермонтова вы любите и знаете наизусть?

КАВКАЗ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас,
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

М. Ю. Лермонтов. Крестовая гора. 1838 г.

Вопросы и задания

1. Чем волнует вас стихотворение Лермонтова «Кавказ»?
2. Это стихотворение Лермонтов написал в 15-летнем возрасте. В том же 1830 году в одной из своих тетрадей он сделал запись: «Горы Кавказа для меня священны». С чем сравнивает поэт свою любовь к Кавказу? Почему так дорог ему этот край?
3. С помощью каких поэтических средств Лермонтов передаёт свои сокровенные¹ переживания?
4. Какое значение для понимания главной мысли этого стихотворения имеет повторяющаяся строка в конце каждой строфы?
5. С какой интонацией следует читать это стихотворение?

Для будущих филологов

Подготовьте выразительное чтение и комментарий понравившегося вам стихотворения Лермонтова, посвящённого Кавказу.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О трёхсложных размерах стиха

Вы уже знакомы с двусложными размерами стиха — **ямбом** и **хореем**. Чередование одного ударного и одного безударного слогов: (— —) — хорей; чередование одного безударного и одного ударного: (— —) — ямб. Вспомним стихотворение Пушкина «Зимний вечер»:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...*

Обозначим ударные и безударные слоги:

— — | — — | — — | — —
— — | — — | — — | — —

Это стихотворение написано хореем (первый слог — ударный, второй — безударный). Одинаковое повторение ударных и безударных слогов называется **стопой**. В данном случае стопа — двусложная.

Многие стихотворения написаны трёхсложной стопой (состоящей из трёх слогов).

¹ Сокровенные — свято хранимые, тайные, задушевные.

Обратимся, например, к стихотворению Лермонтова «Тучи»:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степь лазурною, цепью жемчужною...*

Расставим ударения и составим схему ударных и безударных слогов:

— — — | — — — | — — — | — — —
— — — | — — — | — — — | — — —

Здесь повторяются группы из трёх слогов — это трёхсложная стопа с ударением на первом слоге. Такой трёхсложный размер называется **дактилем** (— — —). Слово «дактиль» (*dactilos*) в переводе с греческого означает «палец». Стихотворный размер называется так потому, что напоминает строение пальца, состоящего из трёх фаланг (косточек).

Составим схему стихотворения Лермонтова «Кавказ»:

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас...*

— — — | — — — | — — — | — — —
— — — | — — — | — — — | — — —

Здесь тоже повторяются группы из трёх слогов, из которых второй слог ударный, первый и третий — безударные. Такой трёхсложный размер называется **амфибрахий** (— — —). Слово «амфибрахий» (*amphibrachys*) в переводе с греческого означает «с двух сторон краткий», то есть окружённый безударными слогами.

В стихотворениях с трёхсложной стопой ударение может падать и на последний, третий слог. Рассмотрим это на примере стихотворения Некрасова «Тройка»:

*Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?*

— — — | — — — | — — — | — — —
— — — | — — — | — — — | — — —

Трёхсложная стопа с ударением на последнем слоге называется **анapestом** (— — —). Слово «анapest» (*anapaistos*) в переводе с греческого означает «обратный палец», то есть дактилю.

Итак, существуют три трёхсложных стихотворных размера:

дактиль (— — —) — с ударением на первом слоге,
амфибрахий (— — —) — с ударением на втором слоге,
анapest (— — —) — с ударением на третьем слоге.

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Что такое стопа? Какое количество слогов она может включать?
2. Какие вы знаете стихотворные размеры двусложной стопы?
3. Какие есть трёхсложные размеры стиха?
4. Приведите примеры стихотворений Пушкина, написанных ямбом и хореем.
5. Определите размер стиха следующих отрывков из стихотворений Лермонтова:

Молча сажу под окошком темницы;
 Синее небо отсюда мне видно:
 В небе играют всё вольные птицы;
 Глядя на них, мне и больно и стыдно.
 («Пленный рыцарь»)

По синим волнам океана,
 Лишь звёзды блеснут в небесах,
 Корабль одинокий несётся,
 Несётся на всех парусах.
 («Воздушный корабль»)

Русалка плыла по реке голубой,
 Озаряема полной луной;
 И старалась она доплеснуть до луны
 Серебристую пену волны.
 («Русалка»)

Из истории создания поэмы «Мцыри»

Замысел написать о монахе, который томится в монастырской неволе, возник у Лермонтова еще в 1830 году, когда он учился в пансионе. Он начал писать тогда поэму под названием «Исповедь» — про молодого отшельника, «испанца родом и душой»...

В 1837 году, следуя по Военно-Грузинской дороге к месту своей ссылки, Лермонтов остановился в древней грузинской столице Мцхет, осмотрел старинный мцхетский собор «Светицховели». На остроконечной горе, над самым слиянием Куры и Арагвы, виднелся старинный монастырь «Джварис-сакдари» («Монастырь креста»).

Эти впечатления и легли в основу поэмы — о судьбе монаха, погибающего в монастырской неволе... Лермонтов рассказывает в ней о пленнике российского самодержавия, о судьбе своего сверстника. Создал Лермонтов эту поэму уже по возвращении из ссылки. На рукописи выставлено число: «1839 года 5 августа». А на обложке написано заглавие: «Бэри». К этому слову Лермонтов сделал примечание: «Бэри по-грузински — монах». Но герой поэмы не монах: его еще только готовят в монахи. А для таких в грузинском языке имеется другое название — «мцыри». И Лермонтов переименовал название поэмы, которая вынашивалась и обдумывалась им в течение девяти лет.

По И. Андроникову

МЦЫРИ

Вкушая, вкусих мало мёда,
 и се аз умираю.
 1-я Книга Царств

1
 Немного лет тому назад,
 Там, где, сливаясь, шумят,
 Обнявшись, будто две сестры,
 Струи Арагвы и Куры,
 Был монастырь. Из-за горы

И нынче видит пешеход
 Столбы обрушенных ворот,
 И башни, и церковный свод;
 Но не курится уж под ним
 Кадильниц благовонный дым,
 Не слышно пенье в поздний час

Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Считает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он

Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Гоним неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,

Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Тёмный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нём
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной

Вскормил слезами и тоской;
Её пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем? .. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имён, —
Напрасно: звук их был рождён
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слёз,
В душе я клятву произнёс:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,

Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежую толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды тёмных скал,
Когда поток их разделял.
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простёрты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залётных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей

И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...

В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождём
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы длинные о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир ещё пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трёх блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,

В. Замирайло. «Мцыри». 1914 г.

Опишите иллюстрацию к поэме «Мцыри». Какую строку из поэмы вы подписали бы под нею?

Когда гроза пугала вас,
 Когда, столпясь при алтаре,
 Вы ниц лежали на земле,
 Я убежал. О, я как брат
 Обняться с бурей был бы рад!
 Глазами тучи я следил,
 Рукою молнию ловил...
 Скажи мне, что средь этих стен
 Могли бы дать вы мне взамен
 Той дружбы краткой, но живой,
 Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
 Не знаю! ни одна звезда
 Не озаряла трудный путь.
 Мне было весело вдохнуть
 В мою измученную грудь
 Ночную свежесть тех лесов,
 И только! Много я часов
 Бежал, и наконец, устав,
 Прилёг между высоких трав;
 Прислушался: погони нет.
 Гроза утихла. Бледный свет
 Тянулся длинной полосой
 Меж тёмным небом и землёй,
 И различал я, как узор,
 На ней зубцы далёких гор;
 Недвижим, молча я лежал,
 Порой в ущелии шакал
 Кричал и плакал, как дитя,
 И, гладкой чешуёй блестя,
 Змея скользила меж камней;
 Но страх не сжал души моей:
 Я сам, как зверь, был чужд людей
 И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
 Поток, усиленный грозой,
 Шумел, и шум его глухой
 Сердитых сотне голосов
 Подобился. Хотя без слов
 Мне внятен был тот разговор,
 Немолчный ропот, вечный спор
 С упрямой грудой камней.
 То вдруг стихал он, то сильней

Он раздавался в тишине;
 И вот, в туманной вышине
 Запели птички, и восток
 Озолотился; ветерок
 Сырые шевельнул листы;
 Дохнули сонные цветы,
 И, как они, навстречу дню
 Я поднял голову мою...
 Я осмотрелся; не таю:
 Мне стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежал,
 Где выл, крутясь, сердитый вал;
 Туда вели ступени скал;
 Но лишь злой дух по ним шагал,
 Когда, низверженный с небес,
 В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвёл божий сад;
 Растений радужный наряд
 Хранил следы небесных слёз,
 И кудри виноградных лоз
 Вились, красуясь меж дерёв
 Прозрачной зеленью листов;
 И грозды полные на них,
 Серёг подобье дорогих,
 Висели пышно, и порой
 К ним птиц летал пугливый рой.
 И снова я к земле припал
 И снова вслушиваться стал
 К волшебным, странным голосам;
 Они шептались по кустам,
 Как будто речь свою вели
 О тайнах неба и земли;
 И все природы голоса
 Сливались тут; не раздался
 В торжественный хваленья час
 Лишь человека гордый глас.
 Всё, что я чувствовал тогда,
 Те думы — им уж нет следа;
 Но я б желал их рассказать,
 Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
 В то утро был небесный свод
 Так чист, что ангела полёт
 Прилежный взор следить бы мог;
 Он так прозрачно был глубок,

Так полон ровной синевой!
Я в нём глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал.
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымила, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — лёгкий шум
шагов.

Мгновенно скрывшись
меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.

И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь её; и зной
Дышал от уст её и щёк.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пыльные мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь её полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять! ..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминая тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурён,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней,

Как за добычею своей,
Объяты жадные раскрыв.
Мир тёмен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонёк
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом чёрных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слёзы, слёзы потекли
В неё горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь тёмный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лёг,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нём
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилёг,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надёжный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,

И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь:
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Моё оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рождён
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей

Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу! ..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Ещё они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрёл я в глубине лесной...

В. Милашевский. «Бой с барсом». 1949 г.

Как удалось художнику в этой иллюстрации передать самый напряжённый эпизод из поэмы «Мцыри»?

Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор! ..
Ещё в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про лёгких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал! ..
И слушал я без слёз, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.

И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдёт прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесён,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч её обжёт
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист её венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнём
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры, с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжёлым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья

Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно, потом,
Играя, нежась на нём,
Тройным свивалась кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лёд холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилась к волне.
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пёстрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:

Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуёй
Была покрыта золотой
Её спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор её зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Её серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

*

Он говорил: «Дитя моё,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житьё
И холод и покой.

*

Я созову моих сестёр:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой

Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Внимание скорбное ничьё
На имя тёмное моё.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таясь, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожёт свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Даёт страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,

Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлёт,
Пришлёт с прохладным
ветерком...

И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отёр внимательной рукой
С лица кончины холодный пот
И что вполголоса поёт
Он мне про милую страну..
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..."

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

1. «...Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри!» — писал В. Г. Белинский о главном герое поэмы Лермонтова. А что вы увидели в образе Мцыри особенного, необыкновенного?

● Углубимся в текст поэмы

2. Попробуйте ещё раз вникнуть в строки поэмы, чтобы глубже понять её смысл, её героя. Обратите внимание на то, как меняется тон повествования в третьей главе поэмы. С чем это связано?
3. «А душу можно ль рассказать?» — взволнованно спрашивает Мцыри в начале своей исповеди. Какие же, ни с кем не разделённые чувства и помыслы долгие годы таились в его душе? (Прочитайте выразительно третью и четвертую главы поэмы. Отметьте роль эпитетов, сравнений, метафор в изображении внутреннего состояния героя.)
4. Какой увидел Мцыри природу на воле? Почему её описания занимают такое большое место (гл. 6)?
5. Исповедь Мцыри позволяет нам узнать и о том, какими были его воспоминания на свободе. Чем особенно трогает его рассказ (гл. 7)?

6. Мцыри убежал из монастыря во время грозы, когда все «нищ лежали на земле». Каким же мы видим Мцыри в этот «ночной, ужасный час»? Какое из определений Белинского, по-вашему, подходит здесь более всего: «огненная душа», «могучий дух», «исполинская натура»?
7. «Кругом меня цвёл Божий сад» — таким предстало перед Мцыри утро в горах после грозы. Что же он замечает вокруг себя, что слышит, какие испытывает чувства? Почему, вспоминая всё это, он хочет рассказать о пережитом (гл. 11)?
8. С какими испытаниями встречается Мцыри на пути к желанной родине? Почему, томимый жаждой, он притаился и ничем не выдал себя, встретив в горах прекрасную грузинку? Легко ли ему было так поступить (гл. 12, 13)?
9. Каких усилий стоило Мцыри не зайти в саклю? Что для него было сильнее голода и жажды (гл. 14)?
10. Каким мы видим Мцыри в минуты смертельной опасности — в схватке с барсом? Какое значение имеет этот эпизод для понимания главной мысли поэмы (то есть её идеи)?
11. Как воспринимает природу Мцыри, когда понял, что, заблудившись, он вернулся в те места, откуда бежал? Какие новые картины, образы, интонации появляются в его рассказе (гл. 22)?
12. Мцыри умирает, но сломлен ли его могучий дух? Каким настроением проникнута последняя глава поэмы? Какие мысли и чувства пробуждает она у вас, современных читателей?
13. Белинский говорил, что Мцыри — это любимый идеал¹ Лермонтова, что «это отражение в поэзии тени его собственной личности». Почему критик сравнивал Лермонтова с героем его поэмы?
14. На уроках украинской литературы вы ознакомитесь с повестью И. Франко «Захар Беркут». Кого из героев этой повести можно сравнить с Мцыри в проявлении своих свободолюбивых устремлений и силы характера?

Для самостоятельной работы

15. Подготовьте развернутый ответ на вопрос: в чём упрекает Мцыри старого монаха, о чём он спорит с ним?
16. Выучите наизусть одну из глав поэмы.

Для дискуссии

17. Мцыри раскрывает свою душу перед старым монахом незадолго до смерти. Но чем необычна в таком случае его исповедь?

Для будущих филологов

Прочитайте отрывок о «Мцыри» из статьи В. Г. Белинского «Стихотворения М. Лермонтова». Выделите в тексте поэмы «Мцыри» строки, подтверждающие суждения Белинского. «...Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Этот четырёхстопный ямб с одними мужскими окончаниями²... звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредоточенным

¹ *Идеал* — здесь: герой, воплощающий мечты и стремления поэта.

² Речь идёт о мужской рифме, при которой ударение в рифмующихся словах падает на последний слог.

чувством, несокрушимую силою могучей природы и трагическим положением героя поэмы. А между тем какое разнообразие картин, образов и чувств!.. Многие положения изумляют своею верною: таково место, где Мцыри описывает своё замирание подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнём, когда над усталою головою уже веяли успокоительные сны смерти и носились её фантастические видения. Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностию и роскошным блеском фантастического Кавказа».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О поэме

Поэма (от греч. *poieo* — делаю, творю) — это крупное стихотворное произведение с эпическим или лирическим содержанием.

Главным героем поэмы всегда выступает человек необычной судьбы. Так, в поэме Михаила Лермонтова «Мцыри» — это юноша, насильно разлучённый в детстве со своей родиной и близкими людьми. Страстное, пламенное, заполнившее всю его жизнь желание вернуться в родные края и попытка Мцыри осуществить свою заветную мечту — основа поэмы.

В отличие от повествовательной прозы, в поэме сюжет излагается более сжато, более лаконично¹. Заметьте, как быстро в поэме сменяются яркие и напряжённые картины жизни, которую увидел и почувствовал Мцыри, убежавший из монастыря во время грозы. Вот он, изнемогший от долгого ночного бегства по лесу, «прилёг между высоких трав». Услышав «грузинки голос молодой», тайно наблюдая за юной красавицей, Мцыри потрясён («думы пылкие мои смутились»), но он ничем не выдал себя, не зашёл в увиденную саклю. Изливая свою душу перед старым монахом, Мцыри признавался, почему он отказывал себе в самом необходимом:

Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог... (Гл. 14.)

Сжатое, но яркое, динамичное² изображение героя и событий в поэме способствует созданию всё возрастающего напряжения действия.

Отличительной особенностью поэмы М.Лермонтова «Мцыри» является сочетание в ней повествования с монологами героя, пронизанными его мыслями и переживаниями. Такие монологи называются лирическими монологами. Приведем примеры некоторых из них:

Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог. (Гл. 3.)

¹ *Лаконизм* — краткость и чёткость изложения.

² *Динамичный* — богатый движением, действием.

Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил... (Гл. 6.)

Другие подобные примеры вы найдёте сами в тексте поэмы.

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Что называется поэмой?
2. Назовите главные отличительные признаки поэмы; покажите, как они проявляются на примере поэмы Михаила Лермонтова «Мцыри».

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Участие в диалоге при обсуждении проблемного задания

Вы уже знаете, что обсуждение проблемного задания предполагает высказывание разных мнений, разных точек зрения, в результате чего и возникает на уроке диалог. Ваши одноклассники становятся на время вашими оппонентами¹. Какими же правилами следует руководствоваться, чтобы быть компетентным, достойным оппонентом?

Прежде всего, нужно уметь внимательно слушать выступающего, чтобы затем правильно реагировать на его высказывание. Если вы в чём-то не согласны или ответ товарища показался вам недостаточно полным и глубоким, выскажите своё мнение, приведите при этом убедительные доводы, обязательно обратившись к тексту обсуждаемого художественного произведения.

Недопустимо во время диалога обрывать своего оппонента, не давая возможности высказаться ему до конца. Корректность² и уважение к мнению других непременно скажутся на ваших ответах, аргументированных и убедительных для всех участников диалога.

Обязательное соблюдение этих правил позволит вам овладеть культурой ведения диалога во время обсуждения проблемного задания, стать компетентными, достойными уважения одноклассников оппонентами.

¹ *Оппонент* — тот, кто оппонирует, то есть выступает с возражениями кому-нибудь в публичной беседе, дискуссии и т. п.

² *Корректность, корректный* — вежливый и тактичный.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

(1809-1852)

*Гоголь не пишет, а рисует;
его изображения дышат живыми
красками действительности.
Видишь и слышишь их....*

В. Белинский

В июне 1828 года Гоголь закончил Нежинскую гимназию. Впереди — свобода, Петербург, служба. Он полон честолюбивых¹ планов, хочет служить и делать карьеру. Он страстно любит театр и мечтает о славе. «Может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна. Ещё с самых времён прошлых... я пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел желанием принести хотя малейшую пользу», — писал Гоголь из Нежина своему дяде П. П. Косяровскому.

И вот наконец Петербург — город, который представлялся ему величественным, необъятным, совершенно ни на что не похожим. «Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, — разочарованно писал Гоголь матери. — Я его воображал красивее и великолепнее. Жить здесь, то есть иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали... Это всё заставляет меня жить, как в пустыне; я принуждён отказаться от лучшего своего удовольствия — видеть театр».

Только почти через год после приезда в Петербург Гоголю удалось определиться на службу в канцелярию одного из департаментов². Теперь его день строго распределён. «В девять часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность... В семь часов прихожу домой, иду к кому-нибудь из своих знакомых на вечер, которых у меня таки немало. Верите ли, что одних однокорытников моих из Нежина до двадцати пяти человек». Молодые люди собираются по очереди то у одного, то у другого. Кто-то поёт украинские народные песни, кто-то читает свои стихи, в уголке молодой художник набрасывает в альбоме портреты. Ничто не ускользает от внимания Гоголя, всё найдет свое место в его будущих повестях.

¹ Честолюбивый — стремящийся к известности, почетному положению.

² Департамент — в царской России и некоторых других странах отдел министерства, высшего государственного учреждения.

Вскоре Гоголь познакомился с издателем П. А. Плетнёвым, с поэтом В. А. Жуковским, а в феврале 1831 года — с А. С. Пушкиным. Никого на свете не было для него выше и дороже Пушкина, вся жизнь его осветилась, хотелось быть лучше, чище, сделать что-то большое.

«Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему», — говорил Гоголь о Пушкине. А Пушкин, встречавший, как праздник, всё молодое, талантливое, с первой минуты и навсегда полюбил Гоголя.

На лето Гоголь уехал в Павловск, в дачную местность недалеко от Петербурга, учителем в одном семействе. В нескольких верстах от Павловска, в Царском Селе, поселился в то лето и Пушкин, там же жил Жуковский. И Гоголь часто по вечерам ходил к ним. Это было светлое время в его жизни. В Петербурге печаталась первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и Гоголь рассказывал Пушкину о том, как наборщики смеялись, читая рукопись. «Что-то скажут читатели?» — думал Гоголь, и на душе у него становилось беспокойно.

«Сейчас прочёл «Вечера близ Диканьки»... — записывал Пушкин. — Они изумили меня... Поздравляю публику с истинно весёлою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов...»

Как-то в самом конце 1833 года Гоголь зашёл к Пушкину. Как всегда, увидев Пушкина, Гоголь просиял. Пушкин вносил в его жизнь столько света, радости, так умел хорошо, вовремя похвалить, сказать нужные и важные слова, подбодрить! И теперь, посидев и поговорив, Гоголь вдруг вытащил из кармана свёрнутую тетрадку.

«Славная бекеша¹ у Ивана Ивановича! Отличнейшая! А какие смушки²! Фу-ты пропасть, какие смушки! Сизые с морозом!» — начал он читать свою «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Что это — весёлый анекдот? Но Гоголь дочитывает последнюю страницу, и становится ясно, что это — грустная повесть о нелепой и смешной ссоре двух Иванов, о бесполезно прожитой ими жизни. Повесть кончается так: «Скучно на этом свете, господа!». Но разве нет и не было в Украине других людей — смелых, сильных? Разве народ, у которого так много чудесных сказаний о воле, о счастье, о любви, не боролся за другую жизнь — светлую, прекрасную? И разве он, Гоголь, не сумеет рассказать о таких людях?

И всё больше и больше погружается Гоголь в изучение истории украинского народа; настойчиво, терпеливо роется он в исторических сочинениях, читает летописи, продолжает собирать народные песни, предания. И, овеянная народной поэзией, встаёт перед ним живая, яркая история народа, а воображение рисует вольные и дикие степи, героические битвы. Борьба за национальную независимость — вот что привлекало Гоголя в истории Украины XV-XVII веков.

На украинских землях западнее Днепра хозяйничали в то трудное время польские паны. Они угнетали крестьян, беря с них непосильную

¹ *Бекéша* — мужское пальто (на меху или на вате) со сборками в талии и разрезом сзади.

² *Смýшки* — здесь: воротник и манжеты из шкурок агнят.

дань, преследовали всё национальное, украинское. Многие крестьяне, не выдержав гнёта, бежали от кабалы на юг, в широкие степи, в низовья Днепра. На острове Хортица у днепровских порогов возник укрепленный лагерь беглых крестьян. Они стали называться запорожскими казаками, так как жили за порогами Днепра. Защищаясь от врагов, устраивали засеки, то есть преграды из наваленных деревьев. Считается, что отсюда происходит слово «сечь». Запорожское казачество боролось и с польской шляхтой, и с турками, которые часто нападали на эти земли. В упорной борьбе за родную землю формировались могучие характеры, крепкие натуры, так привлекавшие Гоголя своей удалью и героизмом.

В 1835 году появилась повесть Гоголя «Тарас Бульба» — поэтическое воспоминание о героическом прошлом украинского народа, о сильных и мужественных людях, о величии народном.

По Н. Марченко и Н. Шер

- ?
1. Что было главным в устремлениях юного Гоголя?
 2. Кто из русских писателей оказал влияние на развитие писательского таланта Гоголя?
 3. Как начало литературной деятельности Гоголя подтверждает высказанные им самим мысли о цели его творчества? (См. начало статьи о Гоголе.)

ТАРАС БУЛЬБА

(В сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экий ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Таковыми словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе¹ и приехавших уже на дом к отцу. Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приёмом отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки! Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было. А побегу который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлёпнется ли он на землю, запутавшись в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал, наконец, старший из них.

— Смотри ты, какой пышный²! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

¹ Бурса — духовное училище.

² Пышный — здесь: гордый, важный.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, засучив рукава. — Посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумачи и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая ещё обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видели, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьётся! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак¹! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство: что это за верёвка висит? А ты, бейбас², что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — чуо ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот ещё что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное било отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень³ ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик, как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? Вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари и философия, и всё это казна-що, я плевать на всё это!.. А вот лучше я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберётесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что

¹ *Козак* — русское «казак». Гоголь сохраняет украинское написание этого слова, как и некоторых других.

² *Бейбас* — балбес.

³ *Сажень* (сажень) — старая мера длины — 2,134 м.

есть. Не нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков; тащи нам всего барана, козу давай, мёды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребеньками, а чистой, пенной горелки, чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повёл сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных мониствах, прибиравшие комнаты... Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намёки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами и в сопровождении тихого треньканья бандуры, в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за унию¹. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро отделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми тусклыми стёклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы². На полках по углам стояли кувшины, бутылки и фляжки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецйской³, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третьи и четвёртые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пёстрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было ещё коней, и потому, что не в обычае было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час их представил, говоря:

— Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны братья, садись всякий, где кому лучше, за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же,

1 *Уния* — объединение православной церкви с католической под властью римского папы.

2 *Отводы* — деревянные украшения.

3 *Венецйская* — венецианская.

Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурманов били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латинцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как, бишь, того звали, что латинские вирши писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю; Гораций¹, что ли?

«Вишь, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — всё, старый собака, знает, а ещё и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит² не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сынки, крепко стегали вас берёзовыми и свежим вишнякам по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетюгами пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в среду, и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий. — Пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернётся теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

— Добре, сынку! ей-богу, добре! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать! Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади онд: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны?

Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою.

— Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удержаться от слёз; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах.

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перессорился с теми из

¹ *Гораций* — древнеримский поэт.

² *Архимандрит* — монашеский чин; здесь: настоятель, то есть начальник духовного училища.

своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма¹. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правило, что в трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары² не уважили в чём старшин и стояли перед ними в шапках; когда поглумились над православием и не почтили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства.

Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привёл к вам!»; как представит их всем старым, закалённым в битвах товарищам; как поглядит на первые их подвиги в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове его бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришел усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь ещё только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся бараньим тулупом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее, когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда панычей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственной грудью, она взрастила взлелеяла их — и только на один миг видит их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говори-

¹ С дыма — здесь: с каждой хаты.

² Комиссары — здесь: польские сборщики податей.

ла она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века... Она видела мужа в год два, три дня, и потом несколько лет о нём не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорбления, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжённых рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит свой... Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюёт хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы себя всю... Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все легли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребёнка; красные полосы ясно сверкнули на небе.

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напоите коней! А где старая? — (так он обыкновенно называл жену свою). — Живее, старая, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем, как она со слезами готовила всё, что нужно к за-

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести. 1945 г.

Чем нравится вам эта иллюстрация? Опишите её и дайте своё название

втраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убрания.

Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные¹ красные с серебряными подковами; шаровары, шириною в Чёрное море, с тысячею складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром²; к очкуру прицеплены были длинные ремешки с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин³ алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, похорошели и побелели; молодые чёрные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными баранными шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, и слова не могла промолвить и слёзы остановились в глазах её.

— Ну, сыны, всё готово! нечего мешкать! — произнёс, наконец, Бульба. — Теперь, по обычаю христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая, как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывают, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе... — Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдём, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли осёдланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое⁴ бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжёл и толст.

Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя; она прилипнула к седлу его и с отчаянием во всех чертах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли её бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразной её летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; её опять увели.

¹ Сафьян — кожа высокого качества.

² Очку́р — шнурок, которым затягивали шаровары.

³ Казаки́н — мужское верхнее платье на крючках, со сборами сзади.

⁴ Пуд — старая мера веса, 16,3 кг.

Молодые козаки ехали смутно и удерживали слёзы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущён, хотя и старался этого не показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад; хутор их как будто ушёл в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика да одни только вершины деревьев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг ещё стлался перед ними, тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали на нём чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощью своих свежих, быстрых ножек. Вот уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрывает. Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

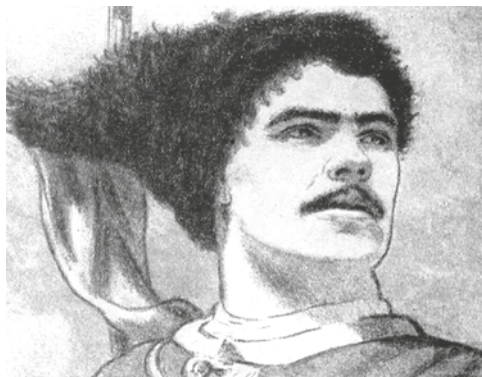
II

Все три всадника ехали молчаливо. Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычислял, какие уже перемёрли, какие живут ещё. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболее о сыновьях его. Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его. Они тогда были, как все поступившие в бурсу, дики, воспитаны на свободе, и там уже они обыкновенно несколько шлифовались и получали что-то общее, делавшее их похожими друг на друга. Старший, Остап, начал с того своё поприще, что в первый год ещё бежал. Его возвратили, высекли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывал он свой букварь в землю, и четыре раза, отодравши его бесчеловечно, покупали ему новый. Но, без сомнения, он повторил бы и в пятый, если бы отец не дал ему торжественного обещания продержать его в монастырских служках целые двадцать лет и не поклялся наперёд, что он не увидит Запорожья вовеки, если не выучится в академии всем наукам. Любопытно, что это говорил тот же самый Тарас Бульба, который бранил всю учёность и советовал, как мы уже видели, детям вовсе не заниматься ею. С этого времени Остап начал с необыкновенным старанием сидеть за скучною книгою и скоро стал наряду с лучшими... Остап считался всегда одним из лучших товарищей. Он редко предводительствовал другими в дерзких предприятиях — обобрать чужой сад или огород, но зато он был всегда одним из первых,

приходивших под знамёна предприимчивого бурсака, и никогда, ни в каком случае, не выдавал своих товарищей. Никакие плети и розги не могли заставить его это сделать. Он был суров к другим побуждениям, кроме войны и разгульной пирушки; по крайней мере, никогда почти о другом не думал. Он был прямодушен с равными. Он имел доброту в таком виде, в каком она могла только существовать при таком характере и в тогдашнее время. Он душевно был тронут слезами бедной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой брат его, Андрий, имел чувства несколько живее и как-то более развитые. Он учился охотнее и без напряжения... Он был более изобретателен, нежели его брат; чаще являлся предводителем довольно опасного предприятия и иногда, с помощью изобретательного ума своего, умел увёртываться от наказания, тогда как брат его, Остап, отложивши

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести. 1945 г.

Совпадает ли ваше представление об Остапе и Андрии с тем, как изобразил их художник?

всякое попечение, скидал с себя свитку и ложился на пол, вовсе не думая просить о помиловании. Он также кипел жаждою подвига, но вместе с нею душа его была доступна и другим чувствам... Вообще в последние годы он реже являлся предводителем какой-нибудь ватаги, но чаще бродил один где-нибудь в уединённом закоулке Киева, потопленном в вишнёвых садах, среди низеньких домиков, заманчиво глядевших на улицу. Иногда он забирался и в улицу аристократов, в нынешнем старом Киеве, где жили малороссийские и польские дворяне и дома были выстроены с некоторою прихотливостью. Один раз, когда он зазевался, наехала почти на него колымага какого-то польского пана, и сидевший на козлах возница с престрашными усами хлыстнул его довольно исправно бичом. Молодой бурсак вскипел: с безумною смелостию хватил он мощною рукою своею за заднее колесо и остановил колымагу. Но кучер, опасаясь разделки, ударил по лошадям, они рванули, — и Андрий, к счастью, успевший отхватить руку, шлёпнулся на землю, прямо лицом в грязь. Самый звонкий и гармонический смех раздался над ним. Он поднял гла-

за и увидел стоявшую у окна красавицу, какой ещё не видывал отрогу: черноглазую и белую, как снег, озарённый утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу её ослепительной красоте. Он оторопел. Он глядел на неё, совсем потерявшись, рассеянно обтирая с лица своего грязь, которою ещё более замазывался. Кто бы была эта красавица? Он хотел было узнать от дворни, которая кучею, в богатом убранстве, стояла за воротами, окруживши игравшего молодого бандуриста. Но дворня подняла смех, увидевши его запачканную рожу, и не удостоила его ответом. Наконец он узнал, что это была дочь приехавшего на время ковенского воеводы. В следующую же ночь, с свойственною одним бурсакам дерзостью, он пролез через частокол в сад, взлез на дерево, раскинувшееся ветвями, упиравшимися в самую крышу дома; с дерева перелез на крышу и через трубу камина пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и вынимала из ушей своих дорогие серьги. Прекрасная полячка так испугалась, увидевши вдруг перед собою незнакомого человека, что не могла произнести ни одного слова; но, когда увидела, что бурсак стоял, потупив глаза и не смея от робости поворотить рукою, когда узнала в нём того же самого, который хлопнулся перед её глазами на улице, смех вновь овладел ею. Притом в чертах Андрия ничегоще было страшного: он был очень хорош собою. Она от души смеялась и долго забавлялась над ним... Он представлял смешную фигуру, раскрывши рот и глядя неподвижно в её ослепительные очи. Раздавшийся у дверей стук пробудил в ней испуг. Она велела ему спрятаться под кровать, и как только беспокойство прошло, она кликнула свою горничную, пленную татарку, и дала ей приказание осторожно вывести его в сад и оттуда отправить через забор...

Вот о чём думал Андрий, повесив голову и потупив глаза в гриву соня своего... Солнце выглянуло давно на расчищенном небе и живительным, теплотворным светом своим облило степь. Всё, что смутно и сонно было на душе у Козаков, вмиг слетело; сердца их вострепнулись, как птицы.

Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе

неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем.

Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши! Наши путешественники несколько минут только останавливались для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти Козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться в дороге, и продолжали путь до вечера.

Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пестрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-тёмному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щёк. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и сменялась другою. Пёстрые овражки¹ выползвали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе.

Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котёл, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе...

Через три дни после этого они были уже недалеко от места, служившего предметом их поездки.

В воздухе вдруг заглодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдаль и тёмною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал, наконец, своё и шумел, как море, разлившись по воле; где брошенные в середину его острова вытесняли его ещё далее из берегов и волны его стлались по самой земле, не встречая ни утёсов, ни возвышений.

Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плаванья были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так

¹ Овражки — здесь: суслики.

часто переменявшая своё жилище. Куча народа бранилась на берегу с перевозчиками. Козаки оправили коней. Тарас приосанился, стянул на себе покрепче пояс и гордо провел рукою по усам. Молодые сыны его тоже осмотрели себя с ног до головы, с каким-то страхом и неопределённым удовольствием, и все вместе въехали в предместье, находившееся за полверсты от Сечи. При въезде их оглушили пятьдесят кузнечных молотов, ударявших в двадцати пяти кузницах, покрытых дёрном и вырытых в земле. Сильные кожевники сидели под навесом крылец на улице и мяли своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари под ятками¹ сидели с кучами кремней, огнивами и порохом. Армянин развесил дорогие платки. Татарин ворочал на рожнах бараньи катки с тестом².

...Первый, кто попался им навстречу, это был запорожец, спавший на самой середине дороги, раскинув руки и ноги. Тарас Бульба не мог не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эх, как важно развернулся! Фу ты какая пышная фигура! — говорил он, остановивши коня.

В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец, как лев, растянулся на дороге. Закинутый гордо чуб его захватывал на пол-аршина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дёгтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее сквозь тесную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тут же отправлявшими ремесло своё, и людьми всех наций, наполнявшими это предместье Сечи, которое было похоже на ярмарку и которое одевало и кормило Сечь, — умевшую только гулять да палить из ружей.

Наконец они минули предместье и увидели несколько разбросанных куреней, покрытых дёрном, или, по-татарски, войлоком. Иные установлены были пушками. Нигде не видно было забора или тех низеньких домиков с навесами на низеньких деревянных столбиках, какие были в предместье. Небольшой вал и засека, нехранимые решительно никем, показывали страшную беспечность. Несколько дюжих запорожцев, лежащих с трубками в зубах на самой дороге, посмотрели на них довольно равнодушно и не сдвинулись с места. Тарас осторожно проехал с сыновьями между них, сказавши: «Здравствуйте, Панове!» — «Здравствуйте и вы!» — отвечали запорожцы. Везде, по всему полю, живописными кучами пестрел народ. По смуглым лицам видно было, что все они были закалены в битвах, испробовали всяких невзгод. Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и козачество на всю Украину!

Путники выехали на обширную площадь, где обыкновенно собиралась рада. На большой опрокинутой бочке сидел запорожец без рубаш-

¹ *Кра́мари под ятками* — торговцы под навесами.

² *Ворочал на рожнах бараньи катки с тестом* — жарил на вертеле куски баранины в тесте.

ки; он держал в руках её и медленно зашивал на ней дыры. Им опять перегородила дорогу целая толпа музыкантов, в середине которых отплясывал молодой запорожец, заломивши чёртом свою шапку и вскинув руками. Он кричал только: «Живее играйте, музыканты! Не жалей, Фома, горелки православным христианам!»

— Эх, если бы не конь! — вскрикнул Тарас, — пустился бы, право, пустился бы сам в танец!

А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уважаемые по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами. Тарас скоро встретил множество знакомых лиц...

III

Уже около недели Тарас Бульба жил с сыновьями своими на Сечи. Остап и Андрий мало занимались военной школою. Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти непрерывны. Промежутки козаки почитали скучным занимать изучением какой-нибудь дисциплины, кроме разве стрельбы в цель да изредка конной скачки и гоньбы за зверем в степях и лугах; всё прочее время отдавалось гульбе — признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиршество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой. Некоторые занимались ремёслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла с утра до вечера, если в карманах звучала возможность и добытое добро не перешло ещё в руки торгашей и шинкарей...

Остапу и Андрию показалось чрезвычайно странным, что при них же приходила на Сечь гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил их, откуда они, кто они и как их зовут. Они приходили сюда, как будто бы возвращались в свой собственный дом, из которого только за час пред тем вышли. Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» — «Верую!» — отвечал приходивший... «И в церковь ходишь?» — «Хожу!» — «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо, — отвечал кошевой, — ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим оканчивалась вся церемония... Сечь состояла из шестидесяти с лишком куреней, которые очень походили на отдельные, независимые республики, а ещё более на школу и бурсу детей, живущих на всём готовом. Никто ничем не заводился и не держал у себя. Всё было на руках у куренного атамана, который за это обыкновенно носил название батька. У него были на руках деньги, платья, весь харч, саламата¹, каша и даже топливо; ему отдавали все деньги под сохран... Остап и Андрий кинулись со всею пылкостью юношей в это разгульное море и забыли вмиг и отцовский

¹ Саламата — мучная похлёбка.

дом, и бурсу, и всё, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Всё занимало их: разгульные обычаи Сечи и немногосложная управа и законы, которые, казались им иногда даже слишком строгими среди такой своевольной республики. Если козак провинился, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству: его, как бесчестного, привязывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою всякий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг. Но более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определённая за смертоубийство. Тут же, при нём, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землёю. Долго потом всё чудился ему страшный обряд казни и всё представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом.

Скоро оба молодые козака стали на хорошем счету у Козаков... Они стали уже заметными между другими молодыми прямою удаley и удачливостью во всём. Бойко и прямо стреляли в цель, переплывали Днепр против течения — дело, за которое новичок принимался торжественно в козацкие круги. Но старый Тарас готовил другую им деятельность. Ему не по душе была такая праздная жизнь — настоящего дела хотел он. Он всё придумывал, как бы поднять Сечь на отважное предприятие, где бы можно было разгуляться, как следует, рыцарю...

IV

Вскоре в Запорожскую Сечь пришла горестная весть: поляки жестоко расправились с гетманом, начальником казацкого войска и полковниками. Теперь уже все хотели в поход, и старые и молодые. По совету старейшин, куренных, кошевого и по воле всего запорожского войска решено было идти прямо на Польшу, отомстить за всё зло, за посрамление веры и казацкой славы.

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы!.. показали запорожцы!..» Всё, что могло спастись, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепостей, ни замков, а просто, как попало, становил на время соломенное жилище своё человек, думая: «Не тратить же на него работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!» Всё всполохнулось: кто менял волов и плуг на коня и ружьё и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унести. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооружённую рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заранее. Все

знали, что трудно иметь дело с сей закалённой вечной бранью¹ толпой, известной под именем запорожского войска...

А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знание вершить ратные дела. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерить всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от неё, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть её. Уже испытанной уверенностью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепкое слышалось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас, — ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька за пояс заткнет!

Андрий весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заранее свои и чужие силы. Бешеную негу² и упоение он видел в битве. Пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несётся, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесённых. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрий, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! Не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны и богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высовывалась каменная стена, или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силен и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и стояли кучею на городском валу. В глазах их

¹ *Брань* (устар.) — война, битва.

² *Нега* (устар.) — блаженство.

можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями; вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

— Ничего, паны братья, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город... Запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чёт и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город... Молодым, и особенно сынам Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал. «Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, козак, атаманом будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он всё-таки поставит на своем». Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело...

Остап уже занялся своим делом и давно отошёл к куреням. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то духоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю; вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую перед ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звёзды. Поле далеко было занято раскиданными по нём возами с висячими мазницами¹, облитыми дёгтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали...

Андрий обошёл козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно, перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец, и сам подошёл он к одному из возов, влез на него и лёг на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. В это время, показалось ему, мелькнул пред ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна и сей же час рассеется, он раскрыл сильнее глаза свои и увидел, что к нему, точно, наклонилось какое-то измождённое, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и черные, как уголь, волосы, неприбранные, растрёпанные, лезли из-под тёмного, наброшенного на

¹ Мазніцы — ведра для дёгтя.

голову покрывала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пицаль¹ и произнёс почти судорожно:

— Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завёл шутку, — убью с одного прицела.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и, казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнажённой смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты её, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец, он не вытерпел, чтобы не спросить:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому в Киеве.

— Два года назад... в Киеве... — повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел ещё раз на неё пристально и вдруг вскрикнул во весь голос:

— Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чшш! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведённого Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий шёпотом, почти задышающимся и прерывающимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива еще?

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнёс он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу. — Отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года, как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий остолбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы

¹ *Пицаль* — старинное тяжёлое ружье, заряжаемое со ствола.

пришёл ко мне; а не помнит, чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Опустясь в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идём, идём сейчас!

— Но, ради Христа и святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь возле воза или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие их куреню. Сердце его билось...

Что делать? Был однако же где-то, кажется, на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошёл к отцовскому возу, но на возу уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, храпел на всё поле. Андрий схватил мешок одной рукой и дёрнул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил вприсонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи: «Держите, держите чёртова ляха, да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из козаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближайшем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он, наконец, отправился со своею ношею. Татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идём! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?» Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, ещё один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько понагнувшись под тяжестью, шёл отважно между рядами спавших запорожцев.

«Андрий!» — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил, мимо его.

Сердце его замерло...

Андрей стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь. Он перекрестился. Вдруг отхлынул от сердца испуг ещё скорее, чем прихлынул. Когда же повернулся он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно тёмной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдалённого зарева, вспыхнув, озарил только одни её очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дёрнул за рукав её, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную ложину, по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустясь в сию ложину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором...

Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником¹. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем больше отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрей, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрей едва двигался в тёмном и узком земляном коридоре, следуя за татаркой и таща на себе мешки хлеба... Они перешли через церковь, не замеченные никем, и вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца... Они повернули в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрея драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрей оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искусал его и тут же, на улице, в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода... При виде сих поражающих свидетельств Андрей не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле брезгал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снедь.

— Всё переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдёшь во всём городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.

...Андрей уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством разных украшений, но татарка дёрну-

¹ Фаши́нник — прутья; фаши́на — связка прутьев хвороста, камыша.

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести. 1945 г.

Как изображает художник встречу Андрия с прекрасной полячкой?

дением глядел Андрий, как она ломала его блистающими пальцами своими и ела; и вдруг вспомнил о бесновавшемся от голода, который испустил дух в глазах его, проглотивши кусок хлеба. Он побледнел и, схватив её за руку, закричал:

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребенок, смотрела ему в очи... И глаза её вдруг наполнились слезами...

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдернула належавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом...

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осока, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем голосом и сопроводив его тем движением руки,

ла его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене... Он не помнил, как взошёл и как затворилась за ним дверь. В комнате горели две свечи; лампада теплилась перед образом... Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось, застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. Казалось, как будто вся фигура её хотела броситься к нему и вдруг остановилась. И он остался также изумлённым пред нею...

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесённый рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на неё, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех...

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту. С неизъяснимым наслаждением

с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне ее в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моём, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из Козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну!

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украине не видать тоже храбрейшего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клочок волос из своей чуприны и проклянёт и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного отчёта, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чем дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полупротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ собраться всем, и, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

— Так вот что, Панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довёл хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позволишь удвоить порцию, так вы готовы так натянуться, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но и в самое лицо вам начищает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли, понунив головы, зная вину; один только Незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батько! — сказал он. — Хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержания не было; как же может статься, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били добре, а уж теперь побьём так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказал Кукубенко!

А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! Ещё не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освежённому водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказал и кошевой! — отозвалось в рядах запорожцев. — Доброе слово! — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали:

— Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжал кошевой. — Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера — пусть ей враг прикинется! — и неприлично, и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошёл в город не с большим запасом: телег что-то было с ним немного. Народ в городе голодный; стало быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это ещё Бог знает; а ксёндзы-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тимошевский курень на запас, с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликивский верхний — с левого боку! Да выбирайтесь из ряду, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочёт, пополни его остатками Переяславского...

Так распоряжался кошевой, и все поклонились ему в пояс, и, надевая шапок, отправились по своим возам и таборам, и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатывали и становили вozy и выбирали коней.

Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий. Полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отдаться живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шёл перед полком...

Два козака выехало вперёд из запорожских рядов. Один ещё совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на деле тоже не плохие

козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своем: горел в огне и прибежал на Сечь с обсмаленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец, вырастил усы густые и чёрные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны на всём войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех перевяжу! Отдавайте, хлопцы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев! — И вывели на вал скрученных верёвками запорожцев. Впереди их был куренной атаман Хлеб, без шаровар и верхнего убранства, — так, как схватили его хмельного. Потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлеб! Выручим! — кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куренной атаман Бородастый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храброе войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, поворотившись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вот тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж, чёрта с два, из-за его пуза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них ещё покачивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник.

— Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и розните их!

И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешали их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы произвести; пошло дело на мечи да на копья... И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий... и ударил его саблей по нагнувшейся шее... Понеслась к вышинам суровая козацкая душа, хмурая и негодуя, и вместе с тем дивуясь, что так рано вылетела из такого крепкого тела. ... А уж был тут суровый мститель...

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распланный на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею верёвку. Побагровело ещё сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жёсткая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведённая рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же у его же седла отвязал шёлковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец верёвки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех Козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец, сказали:

— Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбенка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека.

Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повёл их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежие сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватило по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, поворотили на козацкий табор, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из засады с своим полком, с криком бросился навпереймы. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волю! — кричали запорожцы. — Служили всё походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя...

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи, уже с изорванными епанчами¹. Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылись красивые медные шапки.

— Что, перевязали?, — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая верёвку; и всё ещё не переставали грозить запылённые, изнурённые воины, и все, бывшие позадорнее, перекинулись с обеих сторон бойкими словами.

Наконец, разошлись все. Кто расположился отдыхать, истомившись от боя; кто присыпал землей свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля.

Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть...

VIII

Ещё солнце не дошло до половины неба, как все запорожцы собрались в круги. Из Сечи пришла весть, что татары, во время отлучки Козаков, ограбили в ней всё, вырыли скарб, который втайне держали козаки под землёю, избили и забрали в плен всех, которые оставались, и со всеми забранными стадами и табунами направили путь прямо к Перекопу...

В подобных случаях водилось у запорожцев гнаться в ту же минуту за похитителями, стараясь настигнуть их на дороге, потому что пленные как раз могли очутиться на базарах Малой Азии, в Смирне, на Критском острове, и Бог знает, в каких местах не показались бы чубатые запорожские головы. Вот отчего собрались запорожцы. Все до единого стояли они в шапках, потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться, как равные между собою.

— Давай совет прежде, старшие! — закричали в толпе.

— Давай совет, кошевой! — говорили другие.

И кошевой снял шапку, уж не так, как начальник, а как товарищ, благодарил всех козаков за честь и сказал:

— Много между нами есть старших и советом умнейших, но коли меня почтили, то мой совет: не терять, товарищи, времени и гнаться за татариним. Ибо вы сами знаете, что за человек татарин. Он не станет с награвленным добром ожидать нашего прихода, а мигом размытарит его, так что и следов не найдёшь. Так мой совет: идти. Мы здесь уже погуляли. Ляхи знают, что такое козаки; за веру, сколько было по силам, отместили; корысти же с голодного города немного. Итак, мой совет — идти!

¹ *Епанча* — длинный и широкий плащ.

— Идти! — раздалось голосно в запорожских куренях.

Но Тарасу Бульбе не пришлось по душе такие слова, и навесил он еще ниже на очи свои хмурые, исчерна-белые брови, подобные кустам, повывраставшим по высокому темени горы, которых верхушки вплоть занёс иглистый северный иней.

— Нет, не прав совет твой, кошевой! — сказал он. — Ты не так говоришь. Ты позабыл, видно, что в плену остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтоб мы не уважили первого, святого закона товарищества, оставили бы братьев своих на то, чтобы с них с живых содрали кожу или, истребляя на части козацкое их тело, развозили бы их по городам и сёлам, как сделали они доселе с гетьманом и лучшими русскими витязями на Украине. Разве мало они поругались и без того над святынею? Что ж мы такое? — спрашиваю я всех вас. Что ж за козак тот, который кинул в беде товарища, кинул его, как собаку, пропасть на чужбине? Коли уж на то пошло, что всякий ни во что ставит козацкую честь, позволив себе плюнуть в седые усы свои и попрекнуть себя обидным словом, так не укорит же никто меня. Один остаюсь!

Поколебались все стоявшие запорожцы.

— А разве ты позабыл, brave полковник, — сказал тогда кошевой, — что у татар в руках тоже наши товарищи, что если мы теперь их не выручим, то жизнь их будет продана на вечное невольничество язычникам, что хуже всякой лютой смерти? Позабыл разве, что у них теперь вся казна наша, добытая христианской кровью?

Задумались все козаки и не знали, что сказать. Никому не хотелось из них заслужить обидную славу. Тогда вышел вперёд всех старейший годами во всём запорожском войске Касьян Бовдюг. В чести был он от всех козаков; два раза уже был избираем кошевым и на войнах тоже был сильно добрый козак, но уже давно состарелся и не бывал ни в каких походах; не любил тоже и советов давать никому, а любил старый вояка лежать на боку у козацких кругов, слушая рассказы про всякие бывалые случаи и козацкие походы. Никогда не вмешивался он в их речи, а всё только слушал да прижимал пальцем золу из своей коротенькой трубки, которой не выпускал изо рта, и долго сидел он потом, прижмурив слегка очи, и не знали козаки, спал ли он или всё ещё слушал. Все походы оставался он дома, но сей раз разобрало старого. Махнул рукою по-козацки и сказал: «А не куды пошло! пойду и я: может, в чём-нибудь буду пригоден козачеству!» Все козаки притихли, когда выступил он теперь перед собранием, ибо давно не слышали от него никакого слова. Всякий хотел знать, что скажет Бовдюг.

— Пришла очередь и мне сказать слово, паны братья! — так он начал. — Послушайте, дети, старого. мудро сказал кошевой; и, как голова козацкого войска, обязанный приберегать его и печись о войсковом скарбе, мудрее ничего он не мог сказать. Вот что! Это пусть будет первая моя речь. А теперь послушайте, что скажет моя другая речь. А вот что

скажет моя другая речь: большую правду сказал Тарас-полковник, — дай Боже ему побольше веку, и чтоб таких полковников было побольше на Украине! Первый долг и первая честь козака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища. И те и другие нам товарищи; меньше их или больше — всё равно, все товарищи, все нам дороги. Так вот такая моя речь: те, которым милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которым милы полонённые ляхами и не хочется оставлять правого дела, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдёт с одною половиною за татарами, а другая половина выберет себе наказного атамана. А наказным атаманом, коли хотите послушать белой головы, не пригоже быть никому другому, как только одному Тарасу Бульбе. Нет из нас никого равного ему в доблести.

Так сказал Бовдуг и затих; и обрадовались все козаки, что навёл их таким образом на ум старый. Все вскинули вверх шапки и закричали:

— Спасибо тебе, батько! Молчал, молчал, долго молчал, да вот, наконец, и сказал. Недаром говорил, когда собирался в поход, что будешь пригоден козачеству: так и сделалось.

— Что, согласны вы на то? — спросил кошевой.

— Все согласны! — закричали козаки.

— Стало быть, раде конец?

— Конец раде! — кричали козаки.

— Слушайте же теперь войскового приказа, дети! — сказал кошевой, выступил вперёд и надел шапку, а все запорожцы, сколько их ни было, сняли свои шапки и остались с непокрытыми головами, утупив очи в землю, как бывало всегда между козаками, когда собирался что говорить старший.

— Теперь отделяйтесь, паны братья! Кто хочет идти, ступай на правую сторону; кто остаётся, отходи на левую! Куды большая часть куреня переходит, туды и отаман; коли меньшая часть переходит, приставай к другим куреням.

И все стали переходить, кто на правую, кто на левую сторону. Которого куреня большая часть переходила, туда и куренной атаман переходил; которого малая часть, та приставала к другим куреням; и вышло без малого не поровну на всякой стороне. Захотели остаться: весь почти Незамайновский курень, большая половина Поповичевского куреня, весь Уманский курень, весь Каневский курень, большая половина Стебликивского куреня, большая половина Тymoшивского куреня. Все остальные вызвались идти в догон за татарами. Много было на обеих сторонах дюжих и храбрых Козаков. Между теми, которые решились идти вслед за татарами, был Череватый, добрый старый козак, Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома; Демид Попович тоже перешёл туда, потому что был сильно завязаного нрава козак — не мог долго высидеть на месте, с ляхами попробовал уже он дела, хотелось попробовать еще с

татарами. Куренные были: Ностюган, Покрышка, Невылычкий; и много ещё других славных и храбрых Козаков захотело попробовать меча и могучего плеча в схватке с татаринном. Не мало было также сильно и сильно добрых Козаков между теми, которые захотели остаться: куренные Демьтрович, Кукубенко, Вертыхвист, Балабан, Бульбенко Остап. Потом много было ещё других именитых и дюжих Козаков: Вовтузенко, Черевыченко, Степан Гуска, Охрим Гуска, Мыкола Густый, Задорожный, Метельца, Иван Закрутыгуба, Мосий Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Пысаренко, потом другой Пысаренко, потом еще Пысаренко, и много было других добрых Козаков. Все были хожалые, езжалые: ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам, большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; изъездили всё Чёрное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатеишие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли порошу на своем веку... Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отмстить ляхам за верных товарищей и Христову веру! Старый козак Бовдюг захотел также остаться с ними, сказавши: «Теперь не такие мои лета, чтобы гоняться за татарами, а тут есть место, где опочить доброю козацкою смертью. Давно уже просил я у Бога, чтобы, если придётся кончать жизнь, то чтобы кончить её на войне за святое и христианское дело. Так оно и случилось. Славнейшей кончины уже не будет в другом месте для старого козака».

Когда отделились все и стали на две стороны в два ряда куренями, кошевой прошел промеж рядов и сказал:

— А что, Панове братове, довольны одна сторона другою?

— Все довольны, батько! — отвечали козаки.

— Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье, ибо, Бог знает, приведётся ли в жизни увидеться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велит козацкая честь.

И все козаки, сколько их ни было, перецеловались между собою. Начали первые атаманы и, поведши рукою седые усы свои, поцеловались навкрест и потом взяли за руки и крепко держали руки. Хотел один другого спросить: «Что, пане брате, увидимся или не увидимся?» — да и не спросили, замолчали, и загадались обе седые головы. А козаки все до одного прощались, зная, что много будет работы тем и другим; но не повершили, однако ж, тотчас разлучиться, а повершили дожидаться тёмной ночной поры, чтобы не дать неприятелю увидеть убыль в козацком войске. Потом все отправились по куреням обедать. После обеда все, которым предстояла дорога, легли отдыхать и спали крепко и долгим сном, как будто чуя, что, может, последний сон доведётся им вкусить на такой свободе. Спали до самого заходу солнечного; а как зашло солнце и немного стемнело, стали мазать телеги. Снарядясь, пустили впе-

рёд возы, а сами, пошাপковавшись¹ ещё раз с товарищами, тихо пошли вслед за возами. Конница чинно, без покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотела вслед за пешими, и скоро стало их не видно в темноте. Глухо отдавалась только конская топь да скрип иного колеса, которое ещё не расходилось или не было хорошо подмазано за ночью темнотою.

Долго ещё остававшиеся товарищи махали им издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своим местам, когда увидели при высветивших ясно звёздах, что половины телег уже не было на месте, что многих, многих нет, невесело стало у всякого на сердце, и все задумались против воли, утупивши в землю гульивые свои головы.

Тарас видел, как смутны стали козацкие ряды и как уныние, неприличное храброму, стало тихо обнимать козацкие головы, но молчал: он хотел дать время всему, чтобы пообвыклись они и к унынию, наведённому прощаньем с товарищами...

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской² башни заметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кошевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаю прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем... Полковники... готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движенью и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, устави́л в три табора курени, обнёсши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, Панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья... Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сырые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит

¹ *Пошапковавшись* — попрощавшись, сняв шапки.

² *Магистрат* — городское управление.

наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! Также божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи: гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чоботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребреншеюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, гремя в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли

они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали и, не прерывая, всё палили они из пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаясь в непрерывный гул; дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу; задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, но видно было, как то одного, то другого не ставало в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятились назад, чтобы посторониться от дыма и оглядеться, то многих не досчитались в рядах своих. А у Козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот brave молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскалённые ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух чёрную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями непрерывно козаки.

Тарас видел ещё издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за воез и садись всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не ударил в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырёх только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не види-

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести. 1945 г.

Какое из описаний боя в повести в наибольшей степени соответствует этой иллюстрации?

вал дотолё. Страшно глядела она широкою пастью, и тысячи смертей глядело оттуда. И как грянула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухоответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдаёт старая мать, ударяя себя костистыми руками в дряхлые перси. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет, сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдёт через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вбился он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссёк в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника, и коня, пробрался к пушкарям, и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман, и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех Козаков и поворотил с своими в другую неприятельскую гущу. Там, где прошли незамайновцы — так там и улица, где поворотились — так уж там и переулочок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Вовтузенко, а спереди Черевыченко, а у дальних возов Дегтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копьё Дегтяренко, да напал, наконец, на неподатливого третьего. Увёртлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привёл с собою. Погнул он крепко Дегтяренко, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблём, кричал:

— Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!

— А вот есть же! — сказал и выступил вперёд Мосий Шило. Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед...

— Так есть же такие, которые бьют вас, собак! — сказал он, кинувшись на него.

И уж так-то рубились они! И наплечники, и — зерцала¹ погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нём вражий лях лселезную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить

¹ *Зерцало* — здесь: доспехи воина — блестящий металлический нагрудник вместе с наспинником.

оглушённого. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не поворотился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Поворотился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почувял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам:

— Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!

И зажмурил ослабевшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвист и выступал Балабан.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила? Не гнутя ли козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ещё козацкая сила, ещё не гнутя козаки!

И напёрли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малёванных знамён, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знамёнам; но не успели они ещё выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навпереймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накиннул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за верёвку обеими руками и силясь разорвать её, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пику. Так и остался он, пригвождённый к земле. Но не сдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копы. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой. Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельця угощает ляхов, шеломя¹ того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьётся Закрутыгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли козацкая сила? Не гнутя ли ещё козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах; ещё крепка козацкая сила; ещё не гнутя козаки!

¹ Шеломя — ударяя в бою по шлему.

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расставаться с светом! Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказывать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копыя, от пули и от тяжелого палаша. А был один из доблестнейших Козаков... Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдаётся мне, паны братья, умираю хорошою смертью: семерых изрубил, девятерых копьём исколол. Истоптал конём вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулею. Пусть же цветёт вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьём молодая кровь, подобно дороговому вину, которое несли в стеклянном сосуде из погреба неосторожные слуги, поскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведёт Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа...

— А что, паны? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

— Достанет ещё, батенько, пороху! Годятся ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерь никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов¹. Ну, будет кому-то пожива! А уж там подняли на копьё Метельщю. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска.

¹ Кречет — хищная птица.

«Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были вбиты в землю копыя и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамак¹. Впереди перед другими понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзой пёс, красивейший, быстрее и молодой всех в стае. Атукнул на него опытный охотник, — и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие; ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и всё, что создано для безумных поцелуев.

— Эй, хлопьята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрее козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело поспевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чья-то сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим,

¹ *Аргамак* — восточная породистая верховая лошадь.

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести. 1945 г.

Каким настроением художника проникнута эта иллюстрация?

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё. Бледен, как полотно, был Андрий; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, всё ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. «Чем бы не козак был? — сказал Тарас. — И станом высокий, и чернобровый, и лицо как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!»

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата, и проговорил он тут же:

готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и падает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что же теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи. Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрий был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались бы над ним враги и не растаскали бы его тела хищные птицы.

— Погребут его и без нас! — сказал Тарас. — Будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищение волкам-сиромехам или пощадить в нем рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: «Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..»

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: «Беда, атаман, новая валит еще сила!..»

Не успел сказать Вовтузенко, Пысаренко бежит уже без коня: «Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи: хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом».

«На коня, Остап!» — сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё Козаков, чтобы поглядеть ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, асам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьём в ребро третьего; четвёртый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперед на Остапа, и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмеро разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но, как тяжёлым камнем,хватило его самого в ту же минуту. Всё закружилось и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули перед ним головы, копыта, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

Х

— Долго же я спал! — сказал Тарас, очнувшись, как после трудного хмельного сна, и стараясь распознать окружавшие его предметы. Страшная слабость одолевала его члены. Едва метались пред ним стены

и углы незнакомой светлицы. Наконец заметил он, что перед ним сидел Товкач и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханию.

«Да, — подумал про себя Товкач, — заснул бы ты, может быть, и навеки!» Но ничего не сказал, погрозил пальцем и дал знак молчать.

— Да скажи же мне, где я теперь? — спросил опять Тарас, напрягая ум и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи ж! — прикрикнул сурово на него товарищ. — Чего тебе ещё хочется знать? Разве ты не видишь, что весь изрублен! Уж две недели, как мы с тобою скачем, не переводя духу, и как ты в горячке и жару несёшь и городишь чепуху. Вот в первый раз заснул покойно. Молчи ж, если не хочешь нанести сам себе беду.

Но Тарас всё старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее:

— Да ведь меня же схватили и окружили было совсем ляхи? Мне же не было никакой возможности выбиться из толпы?

— Молчи ж, говорят тебе, чёртова детина! — закричал Товкач сердито, как нянька, выведенная из терпения, кричит неугомонному повесе-ребенку. — Что пользы знать тебе, как выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, ну, и будет с тебя! Нам ещё немало ночей скакать вместе! Ты думаешь, что пошёл за простого козака? Нет, твою голову оценили в две тысячи червонных.

— А Остап? — вскрикнул вдруг Тарас, понатужился приподняться и вдруг вспомнил, как Остапа схватили и связали в глазах его и что он теперь уже в ляхских руках. И обняло горе старую голову. Сорвал и сдёрнул он все перевязки ран своих, бросил их далеко прочь, хотел громко что-то сказать и вместо того понёс чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи. А между тем верный товарищ стоял перед ним, бранясь и рассыпая без счёту жестокие укорительные слова и упрёки. Наконец схватил он его за ноги и руки, спеленал, как ребёнка, поправил все перевязки, увернул его в воловью кожу, увязал в лубки и, прикрепивши верёвками к седлу, помчался вновь с ним в дорогу. — Хоть неживого, да довезу тебя! Не поущу, чтобы ляхи поглумились над твоею козацкою породой, на куски рвали бы твоё тело да бросали его в воду. Пусть же, хоть и будет орёл высмыкать из твоего лоба очи, да пусть же степовой наш орёл, а не ляхский, не тот, что прилетает из польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украины!

Так говорил верный товарищ. Скакал без отдыха дни и ночи и привёз его, бесчувственного, в самую Запорожскую Сечь. Там принялся он лечить его неумоимо травами и смачиваниями. Лекарства ли или своя железная сила взяла верх, только он через полтора месяца стал на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, как глубоко когда-то был ранен старый козак. Однако же заметно стал он пасмурен и печален. Три тяжёлые морщины насунулись на лоб его и уже больше никогда не сходили с него. Оглянулся он теперь вокруг себя: всё новое

на Сечи, все перемерли старые товарищи. Ни одного из тех, которые стояли за правое дело, за веру и братство. И те, которые отправились с кошевым в угон за татарами, и тех уже не было давно: все положили головы, все изгибли, кто, положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынеся позора; и самого прежнего кошевого уже давно не было на свете, и никого из старых товарищей; и уже давно поросла травой когда-то кипевшая козацкая сила. Слышал он только, что был пир сильный, шумный пир: вся перебита вдребезги посуда; нигде не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги все дорогие кубки и сосуды, и смутный стоит хозяин дома, думая: «Лучше б и не было того пира». Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, седые бандуристы, проходя по два и по три, расславляли его козацкие подвиги. Сурово и равнодушно глядел он на всё; и на неподвижном лице его выступала неугасимая горесть, и, тихо, понутив голову, говорил он: «Сын мой! Остап мой!»...

И не выдержал, наконец, Тарас. «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы ни стало!».....Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народ валил туда со всех сторон. ...Толпа вдруг зашумела, и со всех сторон раздались голоса: «Ведут... ведут!.., козаки!..»

Они шли с открытыми головами, с длинными чубами; бороды у них были отпущены. Они шли не боязливо, не угрюмо, но с какою-то тихой горделивостью; их платья из дорогого сукна изнашивались и болтались на них ветхими лоскутьями; они не глядели и не кланялись народу. Впереди всех шёл Остап.

Что почувствовал старый Тарас, когда увидел своего Остапа? Что было тогда в его сердце? Он глядел на него из толпы и не проронил ни одного движения его. Они приблизились уже к лобному месту. Остап остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжёлую чашу. Он глянул на своих, поднял руку вверх и произнёс громко: «Дай же, Боже, чтобы все, какие тут ни стоят еретики, не услышали, нечестивые, как мучится христианин! чтобы ни один из нас не промолвил ни одного слова!»

После этого он приблизился к эшафоту.

«Добре, сынку, добре!» — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдёрнул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... Не будем смущать читателей картиною адских мук, от которых дыбом поднялись бы их волосы. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века, когда человек вёл ещё кровавую жизнь одних воинских подвигов и закалился в ней душою, не чуя человечества... Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать

ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их слышался среди мёртвой толпы отдалёнными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!»

Но когда подвели его к последним смертным мукам, казалось, как будто стала подаваться его сила. И повёл он очами вокруг себя: Боже, всё неведомые, всё чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы слышать рыданий и сокрушений слабой матери или безумных воплей супруги, исторгающей волосы и биющей себя в белые груди; хотел бы он теперь увидеть твёрдого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! где ты? Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул. Часть военных всадников бросилась заботливо рассматривать толпы народа... Но Тараса уже... не было: его и след простыл.... А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костёлов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас... И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки просёлочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали Козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручей у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утёса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглых к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, еще раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьи́м ляхам!» И нагнулсЯ старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях, и на суше, и в походах, и дома. А тем временем на-

бежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпались на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки¹. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелий старый козак. Но не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об

Е. Кибрик. Иллюстрация к повести. 1945 г.

Как изображает художник героическое поведение Тараса Бульбы во время казни?

огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались казаки: ему с высоты всё было видно, как на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!» Но ветер не донёс его слов. «Вот, пропадут, пропадут ни за что!» — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: «К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны казаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переверотил всё в глазах его...

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже казаки были на челнах и гребли вёслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

¹ Гайдуки — легковооруженные пехотинцы.

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубоководных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем¹ лебедей, и гордый гоголь² быстро несётся по нём, и много куликов, краснозобых курухтано³ и всяких иных птиц в тростниках и на побережьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минали отмели, всплашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

Это интересно

Сохранились свидетельства о том, как сам Гоголь читал свою повесть «Тарас Бульба» и какое впечатление произвело его чтение на слушателей.

Однажды собрались у писателя И. И. Панаева несколько человек слушать «Тараса Бульбу». Был среди них и немолодой уже учитель Первой Петербургской гимназии Василий Иванович Кречетов. Его так поразила повесть Гоголя, что во время чтения он все время вскакивал, восклицая:

— Да это шедевр... это сила... это мощь... это... это...

— Ах, да не перебивайте, Василий Иванович! — кричали другие.

Но Кречетов не мог удержаться, вскакивал и перебивал чтение восторженными восклицаниями. А когда оно кончилось, сказал Панаеву:

— Это, батюшка, такое явление... сам старик Вальтер Скотт подписал бы охотно под этим «Бульбою» своё имя... Это уж талант из ряда вон... Какая полновесность, сочность в каждом слове...

По Н. Марченко

Вопросы и задания

● Поделитесь первыми впечатлениями и размышлениями

1. «...Какая кисть, широкая, размашистая, резкая, быстрая! Какие краски, яркие и ослепительные!.. И какая поэзия, энергическая, могучая, как эта Запорожская Сечь», — воскликнул Виссарион Белинский, прочитав «Тараса Бульбу» Гоголя. А чем захватило вас, юных граждан независимой Украины, чтение этой повести?
2. Какими предстали перед вами герои Запорожской Сечи? Какие страницы славной истории казачества, описанные Гоголем, оставили самое сильное впечатление?

● Углубимся в текст повести

3. Чем интересно начало повести? Какими вы видите Тараса Бульбу, его сыновей и их мать на первых её страницах?
4. Какие характеристики даёт автор Тарасу Бульбе, Остапу и Андрию, на что обращает внимание читателей, как выражает своё отношение к героям?
5. Интерьер (от франц. *interieur* — внутренний) — в литературе: описание внутренней обстановки жилища. Прочитайте выразительно описание светлицы в доме Тараса Бульбы. Какие мысли об укладе жизни казачьего атамана вызывает у читателя её интерьер?

¹ Ячанье — стон, жалобный крик лебедей (ячать — стонать, жалобно кликать).

² Гоголь — птица из семейства утиных.

³ Курухтан — болотная птица.

6. Перечитайте описание степи (глава II). Отчего при виде степи сердца казаков «встреपнулись, как птицы»?
7. Как характеризует самого Гоголя созданный им поэтический образ украинской степи? Каковы художественные достоинства её описания?
8. Какими были нравы и неписанные законы Запорожской Сечи? Почему автор с радостью и восторгом восклицает: «Так вот она Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы!»?
9. Как создает Гоголь образы запорожцев? Какие художественные детали, образительные средства языка использует при этом? Прочитайте выразительно соответствующие описания в тексте.
10. Почему казаки выбрали Тараса Бульбу своим наказным атаманом? Как подтверждали они свою верность узам товарищества?
11. Как показывает Гоголь воинскую доблесть и героизм казаков в первом и во втором боях под городом Дубно? Чем похожи казаки в его изображении на былинных богатырей? Включите в свои ответы выразительное чтение отрывков из текста повести.
12. Каким образом усиливает автор впечатление читателя, описывая второй бой под городом Дубно?
13. Чем закончилась битва под городом Дубно для Тараса, Остапа и Андрия? Почему в последние минуты своей жизни Остап вспоминает отца и обращается к нему?
14. В какие моменты проявилось величие духа Тараса Бульбы?
15. Назовите выражения из текста повести, которые стали крылатыми.
16. Писатель Викентий Вересаев писал: «Для повести «Тарас Бульба» Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам казачества... Но еще больше пользовался Гоголь для этой повести украинскими песнями. Вся повесть пропитана духом этих песен, стиль её совершенно песенный, и текст прямо просится на переложение в былинный стих». В чём перекликаются украинские народные думы, с которыми вы познакомились на уроках украинской литературы, и повесть Гоголя «Тарас Бульба»? (Подготовьте развернутый ответ на вопрос.)

Для самостоятельной работы

17. Подготовьте выразительное чтение отрывков из повести: описание степи (гл. II), битва под городом Дубно (гл. VII, IX).
18. Выучите наизусть один из текстов: речь о товариществе (гл. IX), смерть Тараса Бульбы (гл. XII).
19. Подготовьте устную сравнительную характеристику Остапа и Андрия.
20. Напишите сочинение на тему «Тарас Бульба — главный герой одноимённой повести Н. В. Гоголя».

Для дискуссии

21. Почему Андрий не смог сблизиться с товарищами по борьбе и стал предателем?

Для будущих филологов

Установите, кто из известных русских и украинских художников иллюстрировал повесть Гоголя «Тарас Бульба» и подготовьте об этом сообщение.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О характере литературного героя

Литературный герой (персонаж) интересен читателю как человек с присущими только ему одному внешностью, внутренним миром, манерой поведения, умением действовать, вступать во взаимоотношения с другими людьми. Все эти качества (свойства) человека составляют характер.

Характер литературного героя (от греч. *charakter* — отпечаток, признак, отличительная черта) — это образ человека в литературном произведении, созданный с определённой полнотой и наделённый индивидуальными особенностями.

Каков, например, гоголевский Тарас Бульба? Что отличает его от других персонажей повести? С первых же её страниц мы видим бывалого, старого козака, большая часть жизни которого прошла в Запорожской Сечи и военных походах. «Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава». Эти скупые, но выразительные детали авторской характеристики героя помогают нам представить старого атамана. Дополнением к портрету служит описание светлицы, убранной «во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине».

А каковы же поступки Тараса Бульбы? Как ведёт он себя в мирное и военное время?

Всё в жизни Тараса и его семьи подчинено выполнению воинского долга. Только что встретив сыновей, приехавших из бursы, он говорит им: «Ваша нежба — чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба! А видите вот эту саблю? Вот ваша мать!» И затем мы узнаём, как Тарас везёт сыновей в Сечь, как заботится о том, чтобы из них вышли добрые казаки.

В наибольшей мере характер героя в художественном произведении проявляется тогда, когда автор изображает его в сложных жизненных ситуациях. Нас глубоко волнует речь Тараса Бульбы о силе товарищества, обращённая к казакам перед трудным боем под городом Дубно: «Нет у святее товарищества!»; «...Породниться родством по душе, а не по крови может один только человек». Мы восхищаемся героическим поведением Тараса во время боя, когда он, забывая о смертельной опасности, подбадривает казаков и всякий раз оказывается там, где труднее всего. Особенно ярко раскрывается характер Тараса Бульбы, проявляются его необыкновенная стойкость и сила духа в страшных испытаниях, выпавших на его долю: когда он сам убивает сына-изменника, когда присутствует при казни Остапа, когда погибает на костре мученической смертью.

Характер литературного героя — это и его мысли, чувства, переживания. Вспомним, с каким настроением ехал Тарас Бульба в Запорожскую Сечь: «Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда почти плачет козак, желавший бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Он думал о том, кого он встретит на Сечи из своих прежних сотоварищей. Он вычис-

лял, какие уже перемёрли, какие живут ещё. Слеза тихо круглилась на его зенице, и поседевшая голова его уныло понурилась».

Одним из важных средств характеристики литературного героя является его речь. Речь Тараса Бульбы углубляет наше представление о нём как о сильном, решительном атамане, преданном товарище, любящем отца. Так, мы понимаем, как глубоко страдает Тарас, когда, понутив седую голову, говорит о самом наболевшем: «Остап мой, Остап мой!»; «Что бы ни было, пойду разведать, что он: жив ли он? в могиле? или уже и в самой могиле нет его? Разведаю во что бы ни стало!»

Созданию характера в литературном произведении служат и авторские оценки, которые чаще всего выражаются в скрытой форме, но при внимательном чтении их присутствие обнаруживается и в описании портрета, и в изображении поступков, и в раскрытии внутреннего состояния героя. Например, мы чувствуем, как сам автор восхищается могучей, нескгибаемой натурой Тараса, описывая его героическую смерть:

«И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте!..»

Таким образом, **характер литературного героя в художественном произведении раскрывается посредством изображения внешних и внутренних его качеств (портрета, поступков, мыслей и переживаний), а также его речи и авторской оценки.**

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Расскажите о приёмах раскрытия характера героя в художественном произведении. Прокомментируйте приведённые в статье отрывки из текста повести.
2. Выделите в повести «Тарас Бульба» эпизоды, отрывки, характеризующие её героев. Назовите, какие приёмы изображения характера в них использованы.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О пафосе в художественном произведении

Пафос (от греч. *pathos* — страсть, чувство) — в художественной литературе — это возвышенное чувство, страстное воодушевление, приподнятый, торжественный тон повествования. Пафос проявляется только тогда, когда писателя самого глубоко волнует то, что он хочет донести до читателя. Обратимся к отрывку, в котором описывается приезд Тараса Бульбы с сыновьями в Сечь: «Так вот она, Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы! Вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину!»

Тарас восхищается Сечью, взволнованно говорит о том, что именно Сечь возвращает свободных и сильных духом защитников Украины. Заметьте: все предложения в этом отрывке — восклицательные. Автор использует здесь также метафоры, сравнение, которые помогают ему передать восторженное состояние героя.

Пафос в художественном произведении может передаваться также через прямую характеристику героя: «И это добрый — враг бы не взял его! — вояка! Не Остап, а добрый, добрый также вояка!»

Взволнованный тон повествования передаётся читателю и при описании степи в повести. «Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!» — восклицает автор, восхищённый красотой украинской степи. Но особенно возвышенным чувством проникнуты речь Тараса Бульбы о товариществе и сцена его казни.

Неравнодушный, обеспокоенный голос автора слышим мы на страницах всей повести. И это глубоко волнует нас, вызывая чувство гордости за героическое прошлое нашего народа, уважение к его славной истории.

ЗАКРЕПИМ НОВЫЕ ЗНАНИЯ

1. Что такое пафос?
2. Как он проявляется в художественном произведении?
3. Приведите примеры пафосного изображения событий и героев из повести Гоголя «Тарас Бульба».

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Подготовка сравнительной характеристики героев художественного произведения

Сравнить героев литературного произведения — значит найти у них общее и различное. Для этого необходимо сопоставить: их общественное и семейное положение; внешность; поступки, поведение, взаимоотношения с окружающими людьми; внутренний мир (мысли, чувства, переживания); речь; авторское отношение к героям.

Примерный план «Сравнительной характеристики Остапа и Андрия по повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»» может быть таким:

1. Остап и Андрий — сыновья Тараса Бульбы.
2. Внешний облик Остапа и Андрия.
3. Обучение братьев в бурсе.
4. Жизнь Остапа и Андрия в Запорожской Сечи.
5. Поведение братьев в бою и в момент смерти.
6. Авторская оценка героев и средства её выражения.
7. Моё отношение к Остапу и Андрию.

Создавая сравнительную характеристику героев, опирайтесь на художественный текст. Используйте в своей речи важные для подтверждения ваших суждений отдельные выражения, предложения или небольшие отрывки (цитаты) из текста повести «Тарас Бульба».

ПРОВЕРИМ СВОЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

1. Что означает понятие «литературный жанр»? С произведениями каких литературных жанров вы познакомились в этом разделе?
2. Произведения каких жанров вы чаще всего выбираете для чтения и почему?
3. Прочитайте наизусть одно из стихотворений Александра Пушкина. В чём заключается главная мысль этого стихотворения?
4. О чём заставляют вас задуматься стихотворений Александра Пушкина «Цветок» и «Если жизнь тебя обманет»? Прочитайте одно из них наизусть.
5. В чём заключается особенность жанра лирического стихотворения? Раскройте её на примерах изученных стихотворений.
6. Передайте содержание одного из наиболее волнующих, на ваш взгляд, эпизодов из повестей Пушкина «Станционный смотритель», «Метель» или «Барышня-крестянка».
7. Расскажите о жизни станционного смотрителя из одноимённой повести А. Пушкина. Кто виноват в его трагической судьбе?
8. Чем интересен для вас сюжет повести Александра Пушкина «Метель»?
9. Какова композиционная роль описания метели в повести Александра Пушкина «Метель»?
10. Что вы особенно цените в характерах юных героев Лизы Муромской и Алексея Берестова?
11. Почему произведения Пушкина «Станционный смотритель», «Метель» и «Барышня-крестянка» относятся к жанру повести?
12. В чём необычность судьбы Мцыри — главного героя одноимённой поэмы Михаила Лермонтова? Раскройте это на примерах из поэмы.
13. Как ведёт себя Мцыри в самые трудные и опасные моменты своей жизни? Чем нравится вам Мцыри?
14. Назовите главные отличительные признаки жанра поэмы.
15. Изображению каких событий посвящена повесть Николая Гоголя «Тарас Бульба»? Какие мысли и чувства вызвала она у вас?
16. Как изображает Гоголь Запорожскую Сечь в повести «Тарас Бульба»?
17. Прочитайте наизусть речь Тараса Бульбы о товариществе.
18. Как изображает Гоголь героизм казаков в боях под городом Дубно?
19. Дайте характеристику Тарасу Бульбе — главному герою повести.
20. Передайте близко к тексту (или наизусть) описание степи из повести Гоголя «Тарас Бульба».
21. Дайте сравнительную характеристику Остапу и Андрию.
22. Какие художественные приёмы использует Гоголь для раскрытия характеров героев повести «Тарас Бульба»? (Покажите это на примерах из повести.)
23. На примере повести Гоголя «Тарас Бульба» расскажите о пафосе в художественном произведении.

